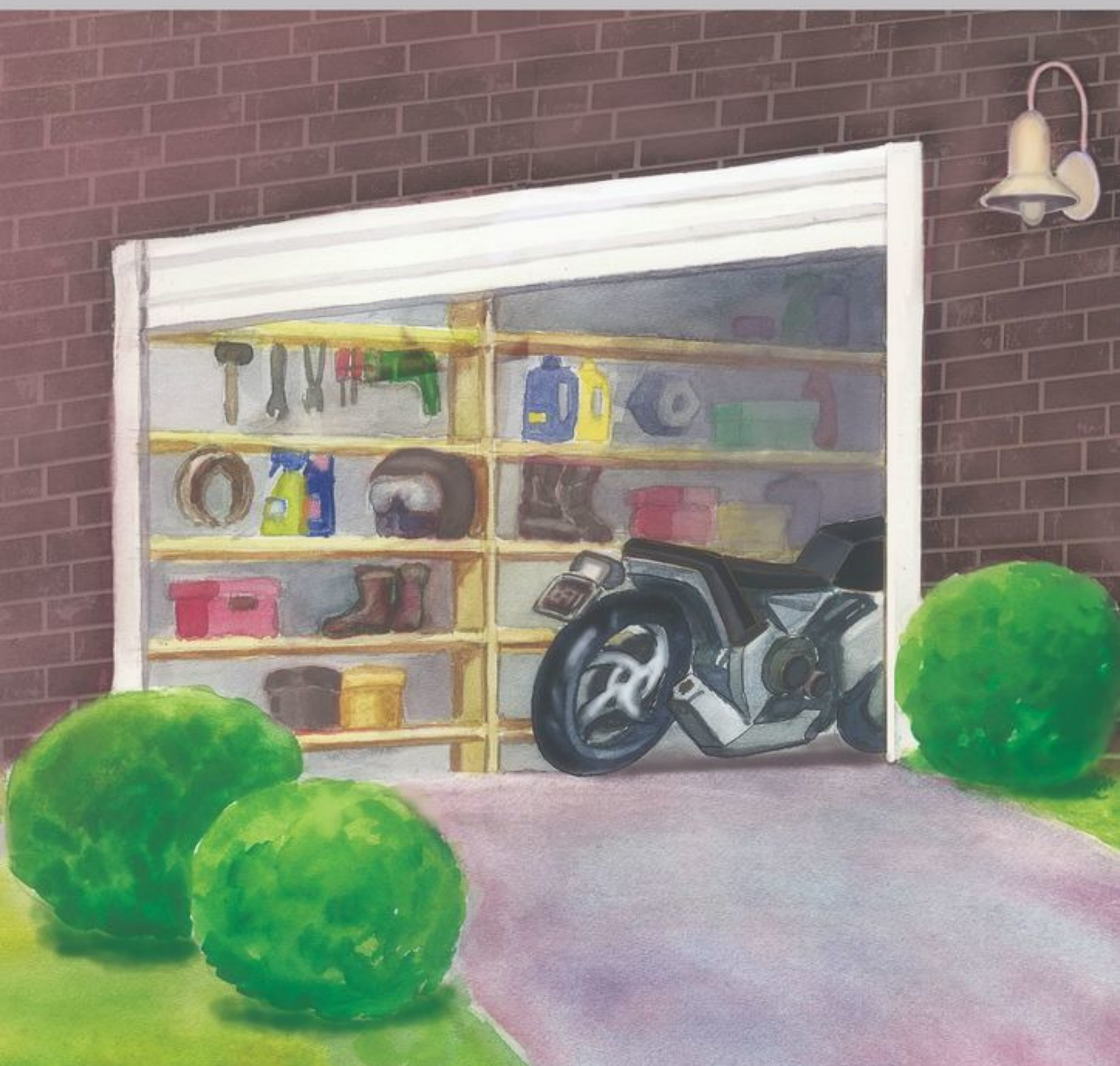

18+

Ирина Черенкова
КРАСКИ
Бетонный дворец

Часть 2

Ирина Черенкова

Краски. Бетонный дворец. Часть 2

«Издательские решения»

Черенкова И.

Краски. Бетонный дворец. Часть 2 / И. Черенкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512726-6

Еще недавно Дениэл был приезжим разнорабочим, но теперь его жизнь круто изменилась. Новое жилье, интересная работа, заботливые сослуживцы и соседи, осталось только наладить личную жизнь. Мир заботится о нем, а он — о мире. «Траст Инкорпорейтед» же, напротив, переживает не самый лучший период. Суды сопровождаются внутренними неурядицами на фоне разноцветного калейдоскопа человеческих отношений. А пока в Сан-Франциско идет борьба за место под солнцем, в поместье Траст расцветает первая любовь.

ISBN 978-5-00-512726-6

© Черенкова И.
© Издательские решения

Содержание

Бетонный дворец	6
01	6
02	10
03	13
04	16
05	19
06	23
07	26
08	30
09	33
10	36
11	39
12	42
13	45
14	48
15	51
16	54
17	56
18	59
19	62
20	66
21	69
22	72
23	75
24	78
25	81
26	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Краски. Бетонный дворец

Часть 2

Ирина Черенкова

Иллюстратор Наталья Разумная

© Ирина Черенкова, 2023

© Наталья Разумная, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0051-2726-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-9103-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бетонный дворец

*Бетонный мир! Надежность, сила и покой.
Рискни, посмей нарушить целость монолита!
Его душа давным-давно залита
Раствором скованности, не взломать киркой.
А где-то там, за стенами дворцовыми сокрыта
Та, что грезит, как наступит день иной,
И будет отреченья грань пробита.*

01

Разноцветные гирлянды мельтешили перед носом, подсвечивая мир красным, синим, зеленым, желтым и снова красным. Они моргали, отражаясь мириадами красочных звезд в лужах и витринах многочисленных магазинов, вторя светофорам, напоминая о грядущих праздниках. Хотя напоминаний особо не требовалось, рождественская атрибутика и так была повсюду, несмотря на то, что до Рождества предстояло прожить еще целых две недели.

– Хо-хо-хо! – Громыхал Санта, стоявший рядом с небольшой лавкой, переквалифицировавшейся в декабре в магазинчик елочных игрушек и мишуры.

В мирное время года, насколько Дениэл помнил, лавчонка торговала сувенирами и открытками с видами моста, но сейчас, когда с неба сыпал дождь, а туманы то и дело окутывали город непроницаемой ватой, поток туристов в ветреный Сан-Франциско сократился, поэтому и спрос на памятные безделушки упал.

– Хо-хо-хо! – Прогрохотал Санта еще раз ему практически в лицо, на что мужчина лишь улыбнулся и поспешил дальше, поднимая ворот спортивной куртки, прикрывающий шею от ветра.

Проскочив веселого белобрысого актера в красном пальто, Дениэл скользнул под синий козырек в знакомый кафетерий. Отряхивая микроскопические капельки с одежды, он выдохнул с облегчением, радуясь знакомым лицам.

– Добрый день! – Произнесла Кира, улыбаясь приветливо. – Как обычно?

– Пожалуй, – согласился он и, избавившись от влажной куртки, плюхнулся на привычный деревянный диванчик.

Перед его носом встал высокий бокал с дымящимся виноградным чаем, отдававшим густым ароматом гвоздики и бадьяна. То, что нужно, чтобы согреться и собраться с духом. Безалкогольный глинтвейн, который Кира на этот раз сдобрила порцией жгучего перца, ориентируясь, видимо, на промозглую погоду за окном, стал уже привычным и ожидаемым. Напиток мгновенно взбодрил и просушил гостя, выкатив его покрасневшие вдруг глаза и подрумянив щеки.

– Мило, – едва смог прошептать он, задыхаясь от собственного огненного дыхания.

Теплый смех владелицы заведения окутал его слух мягким одеялом и расслабил плечи – самое то после неудачного свидания. Мужчина ухмыльнулся в ответ и попробовал вспомнить, с чего же все началось.

Кетрин Валенски появилась в его жизни месяц назад, постучавшись в окно автомобиля мелкой дробью длинного маникюра, отчего Дениэл вздрогнул от неожиданности, удивившись, когда он успел задремать.

– Вы заперли мою машину, – сообщила она с улыбкой, едва водитель опустил окно черной служебной «БМВ».

Ноябрь в этом году выдался ветреным и беспокойным. Серое затянутое плотными облаками небо безучастно глазело на жителей города, которые, подхватив его настроение, тоже облачились в серые одеяния и спрятались под черные зонты. Лишь яркие огни светофоров отражались в лужах мокрой проезжей части и струях дождя на автомобилях, наполняя сумеречный бессолнечный мир тревожными красками.

Тем контрастней оказалась миловидная темноволосая девушка за окном в красном коротком плашике под оранжевым зонтом. Все ее естество выражало такую непривязанность к погоде и общему настроению, что Дениэл замер, пораженный ее жизнелюбием.

– Выпустите меня? – Вопросила незнакомка, наслаждаясь восхищенным взглядом привлекательного мужчины.

– Конечно! – Встрепенулся Дениэл.

Уверенными, доведенными до автоматизма действиями он завел автомобиль, сдал назад и заглушил его. После чего поспешил выйти наружу, не замечая дождя, чтобы показать себя во всей красе. Девушка при этом проскользнула по его фигуре оценивающим взглядом и удовлетворенно кивнула.

– Спасибо! – Промурлыкала она.

Не особо спеша за руль, красотка поглядывала на Дениэла из-под пушистых ресниц, явно кокетничая с ним. Ее пальчики в аккуратном малиновом маникюре игриво перебирали шнурок от зонтика, то наматывая его на тонкий перст, то распуская вновь. Взгляд томных карих глаз скользил по его рабочему костюму, задерживаясь на стратегически важных для девушки местах, после чего вернулся к лицу мужчины.

– Вы работаете здесь? – Спросил он, чувствуя неловкость от затянувшегося молчания.

– Да, у меня небольшая нотариальная контора на третьем этаже, – кивнула девушка на здание, в котором полчаса назад скрылся шеф, опаздывая на встречу, и, покопавшись в сумочке, достала небольшую визитку с витиеватыми вензелями.

Тогда-то Дениэл и узнал имя нимфетки. И телефон.

– Если что-то понадобится, звоните, – не без намека произнесла молодая особа, после чего, пару раз обернувшись, села в изящную алую «Ауди» и выехала с парковки, помахав ему рукой.

После этого цирка ничего не подозревающего Дениэла ждало продолжение игры, в которой отважиться и позвонить Кетрин оказалось самым простым действием. Девушка, ссылаясь на работу, трижды отменяла или переносила встречу, не отвечала на звонки, после чего, спустя пару дней, перезванивала сама, но позже не снимала трубку вновь. В конце концов, уставший от женской «изюминки», набившей водителю оскомину своей непредсказуемостью, он, тяжело вздохнув, согласился встретиться с владелицей нотариальной конторы в выходные.

Воскресное утро подарило миру тяжелые графитные облака, вяло тянущиеся с запада, сквозь которые изредка протискивались скудные лучи усталого декабрьского солнца. Встречу решили назначить в парке, раз уж погода обещала быть летной на это время. Хотя стабильности не предвиделось: в новых порциях ваты, тянущейся с океана, просветов виднелось все меньше и меньше. Не иначе, к вечеру небо снова расплечется тоскливой водяной пылью.

Кетрин была очень хороша в узких джинсах и голубой куртке с меховым воротничком. Дениэл вручил ей букет из крошечных кустовых темно-красных роз, и они пошли под руку по тенистой дорожке. Ее аккуратные ботильоны на высоком каблучке отмеряли такт, цокая набойками по асфальтированному покрытию. Ветер шелестел листьями деревьев, гнал плотные облака на юго-восток и создавал рябь на еще непросохших лужах. Теплый зимний парк звенел визгом детей, то и дело выбегавших на тропинки за счастливыми псынами. Те, в свою очередь, неслись с высунутыми языками за орущими чайками или мячиками, разъединяя Дениэла с его спутницей, прячась за их ногами и создавая кутерьму, не совместимую с понятием «свидание», но очень веселую. Кетрин смеялась и с удовольствием играла с детьми.

– У меня племянникам три и семь лет, – перехватила она удивленный взгляд Дениэла. – Натренировалась с ними.

– У тебя отлично получается! – Поддержал он ее, не находя иных слов к контакту.

Диалог давался сложно. Хоть новая знакомая и не напирала на искреннее общение, быть совсем уж безразличным ему претило. Казалось, мисс Валенски вообще мало, что интересовало в жизни водителя, она просто кокетничала и шла вперед.

– У тебя своя фирма, да? – Выдал он, чтобы хоть как-то нарушить молчание.

Они свернули на грунтовую тропинку, нырнувшую в кусты, где остались, наконец, наедине, впервые с момента встречи.

– Да, она крошечная, но зато своя, – не без гордости сообщила спутница. – А ты чем занимаешься?

– Работаю личным водителем директора фирмы, – отрапортовал Дениэл.

Он знал, что первые свидания всегда заключались в стандартных вопросах и ответах, позволяющих понять, стоит ли людям продолжать тратить драгоценное время, а посему безропотно играл по установленным в обществе правилам. Они напоминали собеседования, но не у Оливера Траста, а нечто более строгое и формальное.

– Не думал начать работать на себя? – Спросила Кетрин.

– Пока нет. Даже мыслей таких не было! – Честно признался мужчина.

Вдруг у спутницы зазвонил телефон. Покопавшись в крошечной сумочке, она нашла в ней тонкий изящный мобильный и сняла трубку. Звонко смеясь, мисс Валенски общалась несколько минут, похоже, что с мужчиной, интересовалась, когда тот вернется, и сообщила, что скучает. Разговор ее стал настолько искренним и душевным, что Дениэл невольно почувствовал неловкость, будто он подслушал нечто личное, проходя мимо красивой девушки.

Наконец, красотка закончила беседу и повесила трубку.

– Муж, – ответила она спокойно, поймав на себе удивленный взгляд сопровождающего.

Дениэл нахмурился и убрал руку для ее поддержки. Негодуя, почему замужняя девушка ходит на свидания с другими мужчинами, он почувствовал себя глупо еще и оттого, что надулся на нее, словно маленький мальчик.

– Мне скучно, – сообщила Кетрин знакомому, словно тот требовал объяснений. – У него частые командировки, он редко бывает дома. Ждать его ужасно утомительно!

– Просто прекрасно! – Буркнул водитель, сдерживая порыв сбежать от изменницы в эту же минуту.

Путь их продолжался по декабрьскому парку, который мог бы стать прекрасным местом для прогулок и милого общения, если бы не последние новости. Поэтому кавалер стал направлять движение пары к выходу. Едва сдерживаясь от прочтения лекции незнакомой девушке, которую он не имел права ни в чем упрекать, Дениэл провел спутницу кратчайшим путем на парковку, где они встретились час назад, после чего остановился, намекая на расставание.

Однако ничуть не смутившаяся особа не планировала так просто сдаваться.

– Где твоя машина? – Спросила она, выглядывая поверх крыш припаркованных автомобилей знакомую черную «БМВ».

– Дома, – хмуро ответил Дениэл.

– Вот как? – Опешила девушка на секунду, но тут же продолжила игру. – А моя – там, на парковке. Поедем ко мне?

Мужчина представил супружеское гнездо четы Валенски с двуспальной кроватью, куда Кетрин в отсутствие мужа водила бесконечной вереницей случайных партнеров, и поморщился.

– Я, пожалуй, пойду. Прости.

– Строгие принципы, да? – Усмехнулась Кетрин. – Ладно. Если будет скучно, звони.

Легкость, с которой она клеила мужчин, ее улыбка, такая милая и открытая, несмотря на то, что девушку только что отшили, плавность походки, которой она отдалялась от него к красной «Ауди», видневшейся в пяти машинах от того места, где пара рассталась – буквально все в ней раздражало и возмущало Дениэла до глубины души. Противоречивость чувств снедала его, разрывая между злостью на себя, что позволил втянуться в эту игру, хотя ответ плавал на поверхности, и завистью чужому мужчине, обладавшему такой кокеткой. С другой стороны, он поразился честности нимфетки: было бы неприятно узнать о ее мужчине, спустя месяцы отношений.

Прежде, чем сесть в машину, брюнетка обернулась и послала Дениэлу воздушный поцелуй, наподдав еще разочек по ущемленному эго.

Теперь, сидя в любимом кафе и попивая жгучий чай, герой-любовник, конечно же, понял всю глупость и наивность мыслей: ну конечно, как красивая девушка на дорогом авто, будучи директором своей, хоть и небольшой, фирмы, могла быть одинокой?

– Тяжелый день? – Поинтересовалась Кира, заметив напряжение на лице мужчины.

– Странный, – протянул Дениэл в ответ, поглядывая на темную синеву улицы, прорезанную лимонными пятнами фонарей. – Хорошо, что он закончился.

Шершавое и неуютное воскресенье уносило с собой его неудачу, которой завершилась очередная попытка наладить личную жизнь. Тяжело вздохнув, Дениэл отпустил ситуацию со всеми мыслями о ней в теплую атмосферу уютного заведения и еще раз пригубил напиток, к огненному дыханию которого он уже почти привык.

02

Последняя петля с лампочками легла на окно поверх граненых мерцающих бусин, и девочка, на цыпочках тянущаяся с проводами к крючкам, выдохнула. Алекса спустилась со стула и отошла на несколько шагов назад, оценивая свое творение. Предвкушение праздника уже всю бурлило в ее крови, поджигая щеки румянцем, а глаза – разноцветными искорками. Она воткнула в розетку вилку, и озорные огоньки побежали, переливаясь, по ее панорамному окну, отражаясь в стекле. Они разбивались на тысячи звездочек под гранями диковинных занавесок, рассыпались по мерцающим стенам просторной комнаты и мелким шиммером застилали взор подростка.

Алекса потеряла глаза, и блески исчезли.

Рождественская неделя наступала неумолимо, оставляя за собой шквал событий и переживаний, о которых девочка бы даже не подумала у прошлогодней наряженной в гостиную елки. Но в глубине души она не особо ждала Рождества, ведь теперь ее влекло нечто иное. Праздники стали для нее не таким ярким событием, как выходные, которые она часто стала проводить со своим другом. С живым другом.

Со времен помывки отцовской служебной «БМВ» прошло без малого три месяца, за которые молодые люди успели свидеться несколько раз. Изначально Алекса очень ловко прикрывалась тем, что ее физико-математическое образование требует практических навыков, ибо не зря же природа наделила ее такой любознательностью к механике. Но вскоре, как догадывалась хитрая особа, скрывать интерес и искренний восторг от гаражных посиделок с Дениэлом стало бесполезно, особенно от отца. Однако глава семьи вопросов не задавал, а значит, можно было смело продолжать прикрываться крышкой капота, разглядывая сильные мужские руки, снующие по узлам автомобиля.

Трудовые будни изобретательницы занимало обучение в университете. К концу октября студентка перешла на второй курс, а буквально пару дней назад – на третий, горячо желая получить, наконец, диплом. Лично, как и было обещано.

Юридический факультет оказался далеко не таким веселым и увлекательным развлечением, как ее первое обучение. Горы законов и поправок вгоняли в скуку гениальную малышку, уже пожалевшую, что согласилась на это однообразное занятие.

– Лучше бы оставила это на попечение мистера Джексона! – Вздохнула она, обратившись по привычке к фотографии на резюме.

Впрочем, чего уж жаловаться, скучное обучение позволяло ей коротать время между набегами на серые стены гаражного отсека. Поэтому Алекса смиренно, словно отменный робот, выполняла свою работу за компьютером, не выпуская из головы мечту вновь оказаться в наполненной эхом бетонной коробке наедине с интересующим ее человеком. Невероятной удачей оказался тот факт, что Дениэл тоже увлекался техникой и допускал ее до узлов автомобиля, об устройстве которых изобретательница знала лишь по чертежам в книгах и инструкциях. Не иначе, как сама судьба позвала его к ним в поместье тем мартовским днем, осчастливив Алексу приятным времяпровождением.

Девочка еле дождалась очередного выходного дня, чтобы увидеться с другом, ведь в прошлое воскресенье он так и не пришел на привычное место встречи. Едва хлопнула дверь восточного входа, Алекса уже прилипла к окну комнаты, высматривая знакомую высокую фигуру. И точно: это утро не отличалось новизной досуга для водителя. Он протопал мимо бассейна, накрытого прозрачным пластиком на зиму, и юркнул в открытые недра гаража.

Пауза в десять минут, которую она выдержала с трудом, была тем самым промежутком времени, который подруга давала водителю всякий раз, чтобы освоиться в помещении. Ну, и скрыть неловкий факт, что за ним теперь следят во все глаза и уши каждый выходной. Кокет-

ливо глянув в зеркало, Алекса покинула свою родную комнату и, не переживая, что ее застукают родители, направилась твердой походкой на задний двор.

Последних, к слову, она проводила рано утром. Предки наспех состряпали завтрак, поцеловали отпрыска каждый в свою щеку, сели в разные двери мамино «Ленд Крузера» и, словно переживали, что их могли остановить, поспешили скрыться за воротами. Дочь едва успела разглядеть неформальную одежду отца, которого и в джинсах-то видела от силы пару раз, и отсутствие каблуков у матери. Вероятно, эти двое неплохо проводили сейчас субботний день! Что ж, тем лучше для нее.

Друга Алекса нашла не сразу. Но, когда глаза привыкли к полумраку бетонных стен, она заметила, что одно из передних колес автомобиля покоится на полу, а сам металлических дел мастер уже лежит под машиной, поднятой на домкрате.

– Привет! – поздоровалась она с ногами, торчащими из-под авто.

– Здравствуй, чистая девушка! – Усмехнулся Дениэл, отвлекаясь от днища и оценивая светлый наряд гости.

Алекса окинула себя, упакованную в бежевую юбку и теплый свитер цвета топленого молока, недоуменным взглядом, но, заметив игривую искорку в зеленых глазах ремонтника, тоже улыбнулась.

Сам же работник мастерской принялся вытирать черные масляные руки о не первой свежести тряпки, разбросанные по холодному полу вокруг него. Небритая физиономия и темно-синяя футболка с длинным рукавом тоже нуждались в очистке, но девочка, улыбнувшись, предпочла об этом промолчать. В конце концов, темные подтеки на привлекательном лице, покрытом двухдневной щетиной, придавали ему некий шарм, неизменно притягивая взгляд подруги. Алекса оторвалась, наконец, от бессовестного рассматривания мужчины и заглянула к нему под машину, оценивая пытливым взглядом разобранные детали.

– Что случилось? – Поинтересовалась она.

– Подвеска стучит, не могу понять, в чем дело.

Судя по тону водителя, тот совсем отчаялся. Искренне желая помочь, Алекса перебрала в голове возможные причины стука и выдала наобум:

– Может стойки стабилизаторов люфтят?

Ответом ей стало изумленное лицо Дениэла, уставившееся на нее круглыми глазами из-под внезапно вставших смешным домиком бровей:

– Что ты еще можешь сказать о подвеске?

Алекса отвела взгляд от техники, смутившись такого натиска. Не желая прослыть невоспитанным юнцом, который умничает и поучает старших мужчин, она поспешила сдать назад:

– Прости, я лезу не в свое дело.

– Нет-нет, – замахал водитель грязными руками, не желая отпускать ее теперь без допроса, – я действительно очень хочу найти причину! Давай так: ты говоришь, что считаешь проблемным, и я проверю это. Ладно? А то у меня уже нет идей.

Девочка недоверчиво взглянула на приятеля, но тут же провалилась в трясину его глаз, забыв тему разговора. Пульс учащался странным образом всякий раз, когда этот взгляд выделял ее персону из общей картины мира. И отключалась голова.

Потирая тыльной стороной руки грязный лоб, Дениэл терпеливо ждал гениального ответа, но на ее чердаке все смешалось, даже смысл того, что их окружало, потерялся. Алекса прерывисто вздохнула и выдала первое, что пришло на ум, лишь бы снова продолжать дышать.

– Рулевые наконечники, – прозвучал ответ после бесконечно долгой паузы.

– Их я поменял месяц назад, они новые, – вздохнул сокрушенно новоявленный автослесарь. – Но все равно, спасибо за участие! Буду собирать...

– Можно я помогу? – Робко спросила девочка, желая загладить свою растерянность. – Я могу подавать инструмент.

Получив согласие, Алекса смело закатала рукава своего молочного свитера и, не боясь испачкать одежду, принялась разбирать ключи и головки к ним, раскладывая их в хронологическом порядке по ящику.

Вскоре колесо встало на место, а Дениэл, покрытый пылью и маслом с головы до ног, довольно улыбался, поглядывая на юную помощницу.

– Как тебе удалось не испачкаться? – Изумился он, смерив внимательным взглядом ее одежду.

Девочка лишь загадочно улыбнулась. Не рассказывать же мужчине долгую историю о том, как мама учила ее с глубокого детства быть леди в любых ситуациях. Однако, опустив взгляд на свои руки, леди поняла, что очередной поход в гараж скрыть от мамы не получится. А значит, снова будет скандал.

03

Когда Оливер предложил ей провести выходной день вдвоем где-то вдалеке от поместья, Мелани немного растерялась. Ведь для этого им требовалось оставить без присмотра дочь, чего она старалась не делать после сентябрьского недоразумения.

Вернувшись из поездки длиной всего в какую-то неделю, женщина обнаружила, что с ее дочерью отважился общаться ненавистный водитель супруга. Кот из дома – мыши в пляс. Наглец мало того, что смел дышать в сторону Алексы, так еще и привлекал ребенка к ремонту машин! Вся осень ушла на изучение новых фактов, тайное наблюдение за новоявленными приятелями и выстраивание тактики общения с дочерью. Естественно, с такой напряженной жизнью в особняке ни о какой рождественской коллекции, которой грезила хозяйка «Ювелирного дома» всю неделю всю неделю в Нью-Йорке и речи быть не могло.

Поэтому предложение Оливера прогуляться по пляжу она восприняла довольно скептически, к тому же декабрь – не самый теплый месяц в Калифорнии. Но потом, предельно устав от бесконечной слежки и своих эмоций относительно неподдельной радости дочери от свиданий в гараже, она сдала оборону, о чем в последующем ни разу не пожалела, как и всегда, уступая мужу в любом деле.

Променад удался на славу. Как же давно они не уделяли друг другу столько внимания! И пусть разговоры их все равно продолжали вертеться вокруг работы и оставленной в одиночестве дочери, единение пошло супругам на пользу.

Они вернулись домой лишь к вечеру, когда солнце уже завершало свой каждодневный цикл и клонилось к закату. Тщательно отряхнув одежду и обувь от налипшего за день пляжного песка, чета, смеясь, ввалилась в гостиную, сжимая друг друга в объятиях.

– Ш-ш, – призвала к тишине супруга Мелани, прикладывая к широкой улыбке пальчик. – Вдруг Алекса услышит.

– Она за нас только порадуется! – Громогласно возопил глава семьи и двинулся к массивной мраморной лестнице, ведущей на второй этаж.

Жена, играя в одной ей понятную игру, побежала наверх, обгоняя мужчину и задорно стреляя глазками. Тот лишь усмехнулся такой внезапно проснувшейся в ней игривости и покорно пропустил вперед, оценивая ладно посаженные по фигуре брючки не менее шаловливым взглядом.

– Алекса, дорогая, мы вернулись, – пропела мать елейным голосочком, постучавшись в дверь комнаты дочери.

Ответом ей была звенящая тишина. Под стук собственного сердца в висках женщина постучалась еще раз и, не получив ответа, отважилась мягко и беззвучно повернуть ручку на случай, если девочка спит.

Комната оказалась пуста. Лишь мерно вздрагивали бусины, движимые прохладой, лившейся из открытого окна. Мелани отметила, что дочь уже вовсю ожидала Рождества, украсив – и довольно неплохо для такой юной особы – комнату лампочками и статуэтками.

– И куда подевалась наша принцесса? – Недоуменно пробубнил Оливер, вероятно даже не заметив, что высказал мысли вслух.

Однако супруга, прежде чем устраивать паническую истерику, решила проверить легкую догадку. Она подошла к блестящим занавескам и за окном на заднем дворе заметила свет в гаражном отсеке. Ребус, куда могла исчезнуть дочь, обрел разгадку.

– Твоя принцесса снова прозябает в бетонном дворце с этим типом! – Гневно выплюнула она.

– О? – Удивился Оливер не то факту, не то тону жены, но подошел к окну и встал рядом с ней, глядя в сумеречный двор.

Там, где начиналась территория техники и инструмента, две знакомые фигуры проглядывались в желтоватом свете электрических ламп, освещающих гараж. Та, что повыше, сновала по отсеку, ловко собирая рассыпанные железки, и рассказывала негромким басом какую-то историю. Маленькая же фигурка, замерев от благоговения, наблюдала за мужчиной, чутко прислушиваясь к каждому его слову.

– Я не вижу в этом ничего плохого, Мелани, – выдал, наконец, он, оценив мирную картину в окне. – Ты же сама говорила, что доктор Фергусон велел наблюдать.

– Но ты бы видел ее руки после этого, Оливер! – Возмутилась супруга.

– Так ведь это неизбежно в гараже!

Мелани глубоко вздохнула и прикрыла веки, проглатывая эмоции. Похоже, муж никогда не поймет ее отношения к грязи и вони, которыми одаривает верзила их дочь. Но, подумав, она предпочла промолчать, не желая портить уютный вечер ссорой.

Однако за ужином, когда она снова увидела девочку за столом с черными разводами между пальцев и по контуру ногтей, так знакомыми ей по молодости мужа, женщина не удержалась от ядовитых комментариев.

– Что у тебя с руками? – Задыхаясь от негодования, отрывисто спросила она.

– Это масло, мам, оно не отмывается, – прозвучал спокойный ответ дочери, не подозревающей о вулкане страстей в ее сердце.

– Что масло делает на твоих руках, Алекса? – Продолжила строгий допрос родительница. – Ты же девочка, почему такая грязь под ногтями?

Дочь исследовала собственные ладони, после чего повернулась к отцу за поддержкой, но тот лишь, улыбнувшись, пожал плечами и продолжил трапезу.

– Я в гараже смотрела машины и немного испачкалась, – выдала она, сообразив, что ответ придется держать самой.

Больше всего Мелани поразила простота, с которой та об этом говорила. Будто общаться с громилой, гораздо превосходящим ее по возрасту, а после этого сидеть за столом с такими кошмарными руками, словно рыла ими землю, считалось само собой разумеющимся. И о чем только думала эта неуправляемая девчонка?!

– Алекса, ты можешь хоть на ушах ходить, но руки за столом должны быть чистыми! – Отчитала она дочь.

И на этом разговор должен был прекратиться, но неугомонная малышка решила, что гневная тирада не была последним словом. Она отпила из стакана апельсиновый сок и продолжила общение, вызвав неизменную усмешку отца на эту тему.

– Дениэл предлагал отмыть их растворителем, но предупредил, что после этого я буду плохо пахнуть довольно долго...

– К-кто? – Задохнулась в не требующем ответа изумлении мать, услышав ненавистное ей имя. – Алекса, почему бы тебе!...

«Не найти себе более подходящих друзей?» – Хотела было сказать она, но вовремя закрыла рот.

Две пары шоколадных глаз с искренней растерянностью уставились на нее, ожидая продолжения фразы, но нужных слов в ее голове не оказалось. Острые эмоции вытянули из нее все силы, оставив лишь звенящую пустоту в мыслях.

– Если тебя не смущает домашняя работа, дорогая, ты можешь постирать, допустим, кухонное полотенце, – подсказал глава семьи, стараясь примирить своих девушек. – Пальцы от этого станут заметно чище, проверенно опытом.

– Меня не смущают грязные руки, – парировала девочка. – Но спасибо за совет, я, пожалуй, так и сделаю после ужина. Как у вас прошел день?

Мелани тяжело вздохнула и осунулась, взгляд ее зеленых глаз упал в тарелку с тушеными овощами и бобами, потерявшись среди съедобного калейдоскопа. Разговор перешел в мирное

русло: супруг рассказал о несуществующих делах, после которых они якобы решили заглянуть на пляж, а следом принялся вещать о подробностях прогулки. Его руки, упакованные в рукава палевой домашней рубашки, то и дело взмывали вверх, ведомые яркими эмоциями. Алекса смеялась и задавала вопросы, словно гаражная история теперь считалась законченной.

Мелани проиграла. Вообще-то, конечной целью ее речи должно было стать решение, что дочь не сунется больше в гараж ни ногой, а компания головореза ей категорически не подходит. Но нажима и влияния родительнице не хватило, отчего она ощущала себя теперь безмерно маленькой и невесомой в собственном доме. Она непременно доведет вопрос до единственно возможного завершения в следующий раз, пусть не сомневаются. Не для этого они растили свою принцессу, чтобы теперь какой-то деревенский обалдуй записал ее в ряды ремонтников. Кивнув собственным мыслям на этот счет, Мелани, наконец, нашла в себе силы сдавленно улыбнуться и попробовать поучаствовать в мирной беседе за столом.

04

Странно было бы тешить себя иллюзией, что все наладилось, но с иными мыслями пережить предрождественские недели было бы крайне сложно. Поэтому Оливер, закрыв глаза на неудачи и напряженные моменты, как дома, так и в корпорации, счел правильным сосредоточить внимание на целях и позитивных достижениях. Пусть это стремление и выглядело не менее безумным на фоне бесконечных конфликтов, но хотя бы давало ему возможность расслабиться на минутку и осознать, во имя чего он все еще двигался.

– Ты просто обязан запретить ей ходить в этот гараж, Оливер! – Летала на метле супруга, сверкая яростным взглядом зеленых глаз. – Это не место для девочки!

Спорить, что ей управлял сейчас не здравый смысл, а колючий гнев и беспричинная предвзятость к дочери, у главы семьи сил не оказалось. И поэтому он лишь отшутился, что сам бы спрятался от проблем в бетонном отсеке и закрыл за собой дверь, словно в бункер, лишь бы невзгоды не доставали его с такой периодичностью. Мелани, набравшись любви и терпения, посочувствовала «старому седому бегемоту», как он называл сам себя, когда дела и заботы душили его настолько, что сил не оставалось даже на отдых. Домашним такое прозвище доставляло массу удовольствия: девушки хохотали, начинали ухаживать за ним и, что самое главное, воссоединялись для единой цели – посмеяться над удачной шуткой. Для чего, собственно, и устраивался весь концерт.

Итак, декабрь подходил к концу. Чумовой, бешенный, совершенно неуправляемый декабрь, в который «Траст Инкорпорейтед» вкалывала как проклятая. График был до того напряженный, что у сотрудников фирмы сложилось впечатление, будто контора решила заработать все деньги мира, чтобы умереть после Рождества Христова. О подобном символизме попеременно сообщали Оливеру начальники отделов, которые снова вереницей шли к нему с кипами отчетов. Как мог, шеф поддерживал персонал шутками, похвалами, перерывами с легкими закусками и посильной помощью. Как умел, он улаживал любые, даже самые плывые конфликты, на безопасное разрешение которых у сотрудников порой не хватало сил. Даже гирлянды на окнах и перегородках офисных ячеек не вызывали у работников тот позитив, на который рассчитывалось. Их попросту не замечали, пока около девяти вечера не умолкали телефоны, и офисные трутни не начинали собираться домой, остановившись, наконец, в своем рабочем беге, выдохшиеся и с дымящейся головой. Ни о каких встречах и новых контрактах и речи быть не могло в такой обстановке, к тому же контракты сами лились к нему рекой, словно пытаясь к новому году наверстать летний простой.

Больше всех доставалось секретарям и менеджерам, у которых телефон разрывался ежеминутно, а телефонная станция при этом показывала, что еще двенадцать звонков ожидают ответа, заполнив при этом собой все свободные линии. Его доблестный водитель, вынужденный снова сесть на синий диванчик в уголке отдыха, принялся посильно помогать соратникам справляться с предрождественской кутерьмой. Он не брезговал носить коробки с документами, отвечать на телефонные звонки, а к концу декабря и вовсе принялся консультировать звонящих по мелким вопросам. Глядя на ловкость и простоту Дениэла, с которыми тот осваивал любые строительные и экономические вопросы, Оливер невольно подумал о том, что ресурс в виде непризнанных способностей простаивает в шофере с недопустимой расточительностью. Все равно, что в чемодане от Льюиса Вьюитона перевозить кирпичи. Однако водитель не требовал повышения или признания, словно его способности оставались в некой теневой стороне от собственного осознания.

Помимо супруги, абсолютно все, с кем Дениэл имел какие-либо связи, восхищались его способностями, и только ленивый не заглянул в кабинет к Оливеру, чтобы сообщить:

– Мистер Траст, что делает на месте водителя такой замечательный и ответственный человек? Он бы мог стать неплохим начальником отдела при должных знаниях.

Но на все похвалы и добрые замечания Дениэл отмахивался, а бывало, и округлял глаза, не понимая, о чем ему вещает шеф. Ничего не оставалось, кроме как оставить его в покое и позволить парню расти самостоятельно.

Даже Луи Кроненберг перестал подозрительно следить за ним, приняв водителя как приятное дополнение к гаражному отсеку.

К слову, в домике охраны тем временем кипела работа. В связи с тем, что дочка начальника приняла за норму прогулки по территории поместья, глава семьи решил установить еще с десяток камер по саду и близлежащим помещениям, где девочка начала проводить неожиданно много времени.

– Оказывается, у нас масса слепых зон, мистер Траст! – Сетовал строгий усатый Луи, потерявший сегодня Алексу из вида аж на три часа.

Накануне он опустил не к месту яркие светло-рыжие усы, отчего стал напоминать угрюмого кота, обделенного лакомством.

– Займитесь этим, – согласился Оливер. – Только в гараже прячьте тщательней, не хватало еще, чтобы Дениэл подумал, что следят за ним.

Камеры наблюдения показывали, что Алекса стала меняться. Она смело покидала теперь свое убежище, слабо мерцающее гранями песчаной слюды, изучала природу и малочисленных людей в поместье, спешивших поскорее исчезнуть с ее глаз. Кроме того, теперь и в семье девочка, которая все ярче напомнила молодую девушку, начала интересоваться окружающим миром и задавать вопросы. Причем, больше всего Оливера пугали не они сами, а реакция на них супруги. Жена подставляла всю их кампанию по возвращению особенной девочки своей растерянностью. Часто глава семьи вытягивал ситуацию, когда считал это нужным, но еще чаще последнее слово оказывалось за Алексой, в силу того, что Мелани оказалась попросту не готова к взрослению дочери.

Девушка же, казалось, не замечала своих изменений, и все так же продолжала провожать с утра отца, одаривая его ароматным какао и собственной счастливой улыбкой. И калейдоскопом своих разнообразных платьев, не без этого. Но тут хотя бы Оливер начал понимать, кому предназначался этот восхитительный маскарад, потому что девушка искренне предпочитала домашние пижамные штаны любому богатому убранству с подолом и пояском. Глава семьи не жаловался, а лишь наслаждался красотой дочери, и между делом благодарил за эти изменения их виновника.

Очередной завтрак с взрослеющей малышкой, одетой на этот раз в солнечный желтый подол, проходил по каждодневному плану. Алекса все так же витала в собственных мыслях за приготовлением традиционной порции горячего шоколада, а Оливер наблюдал за ее плавными движениями, все больше напоминавшими женские.

– Мама готовится к Балу? – Как бы невзначай вдруг поинтересовалась она.

Оливер глубоко вздохнул, обдумывая простой невинный вопрос. От ее чуткого взгляда ничего не спрячешь! Мелани начала подготовку к Ежегодному Весеннему событию чуть раньше обычного и обещала скрыть сей факт от дочери, чтобы не спровоцировать лишние намерения. Но, похоже, тщетно.

– Почему ты не спросишь это у нее? – Отрекся он от ответа, понимая, чем может закончиться разговор, а отказать дочери он будет не в силах.

– Она отмахивается, но я ведь знаю, что время пришло, – опечалилась девушка. – Пап, я все понимаю, я помню ситуацию прошлого года, но...

Она замолкла на полуслове, однако тяжелая гнетущая атмосфера зависла в кухне свиновой взвесью. Оливер тоже молчал, не в силах пресечь мечту своей любимицы нравоучитель-

ной лекцией. Ситуацию, как и всегда, спас Дениэл. Слегка посвистывая колодками, он ловко остановил смольную «БМВ» возле зеркальной стены дома, чем привлек внимание их обоих.

– Мне пора! – Обрадовался смене темы глава семьи, спешно допивая угощение.

– Ага, – отозвалась грустившая еще минуту назад, искрящаяся счастьем и интересом дочь.

Наспех попрощавшись с отцом, Алекса прилипла к прозрачной стене, разглядывая шофера, сидевшего за рулем всего в паре ярдов от нее. Это и было последней картинкой, которую наблюдал отец, прежде чем за ним закрылась стеклянная дверь.

Размышляя в пути о Ежегодном Благотворительном Бале, устраиваемом супругой по окончании марта, Оливер не мог не вспомнить радости Алексы, вызванной присутствием той на синей ковровой дорожке. Ее хрупкая ладонь, державшая массивный локоть шофера, казалась тоненькой ниточкой, пытавшейся соединить зыбкий мир Александры Траст с окружающим пространством. Но, какой бы силы желания не была эта нить, разум подсказывал ему, что семья нескоро оправится от результатов попытки.

– Все так плохо? – Неожиданно раздался бас водителя.

Очевидно, Дениэл имел не только острый интеллект, но и крайне тонкое ощущение мира и людей в нем. Оливер не заметил, как углубился в размышления настолько, что это стало заметно и работнику. Лукавить с этим человеком было бессмысленно.

– Алекса хочет на Бал, – вздохнул он, привыкший к тому, что шофер теперь частично посвящен в их семейную жизнь.

Собеседник замолк, переваривая информацию. Густые брови молодого человека сдвинулись к центру, заложив тугую складку, а над головой, едва протиснувшись между макушкой и низким потолком «БМВ», повисла темная туча воспоминаний.

– Можно, конечно, взять с собой гарнизон охраны... – Вздохнул начальник, не в силах продолжить мысли.

– А можно ее отвлечь, – закончил мысль Дениэл. – Нужно дать ей такую альтернативу, чтобы Бал стал неинтересным для нее.

Оливер уставился на шофера изумленно. Словно подсвеченная его ясной мыслью идея, дремавшая в дальнем углу подсознания, теперь и сама начала светиться яркой радугой, поджигая взгляд главы семьи искрами догадок. Все больше складывая в голове выход из ситуации, шеф распрямил плечи и еще немного раздвинул рамки восприятия, удивившись простоте решения такой сложной и, казалось, безвыходной ситуации.

Нужно будет предупредить Мелани о надвигающемся штурме ее кабинета Алексой и подсказать ей выход с помощью такого элементарного «белого флага», о котором бы сам Оливер не додумался без помощи своего шофера.

05

Стоять на пронизывающем декабрьском ветру в обусловленном месте оказалось чертовски холодно, но ее подруга, похоже, не спешила. Ветер, словно пытаясь поразить девушку своей мощностью, задувал отовсюду, откуда только мог пробраться. Сетчатые урны пропускали шалуна сквозь себя и позволяли ему беспрепятственно свистеть в них, а козырьки зданий, украшенные хлопающим на порывах американским флагом, слегка пошатывались в ритме, задаваемом стихией, словно напоминая, что даже металл не в силах с ней совладать. Ветер выл, казалось, даже в выхлопных трубах припаркованных автомобилей, выгоняя из-под них опавшие листья и редкий городской мусор.

Лиз плотнее закуталась в широкий кофейных тонов шарф крупной вязки и смиренно подставила потокам воздуха расслабленное лицо, прикрыв глаза. Вскоре то, что вызывало в ней дрожь и озноб, стало даже приносить некое удовольствие, охлаждая разгоряченную рабочим днем голову.

В безмозглом ожидании подруги в голову вдруг полезли странные мысли. Почему-то, именно сегодня девушка вспомнила их первую встречу возле ворот «Голден Гейт Парка», сейчас уже казалось, что прошло ни одно столетие с тех пор. В тот вечер Лиз едва по собственной воле не ушла к праотцам, которых ни разу не видела. Она передернула плечами, вспоминая их встречу длиной в час, которая буквально разбудила ее и нашла яркую причину страданий.

– А ты вспомни, когда все пошло псу под хвост! – Ядовито возмущалась та, которую Лиз меньше всего ожидала встретить возле парка.

– С момента переезда, – растерянно промямлила растрепанная малышка.

– Серьезно? Я приезжала в старый офис, ты и там жалась к стенам затравленным зверьком!

– Когда же? – Спросила она дрогнувшим голосом.

Лиз с надеждой сжала тогда кулачки возле груди в ожидании, что взрослая опытная тетя спасет ее, если не от всех мирских забот, то, как минимум, от нее самой. Стало даже немного стыдно за свой неопрятный вид, хотя еще полчаса назад ей и дела не было до того, в чем она вышла из дома.

– Оливера будто подменили с тех пор, как у него стал работать этот... Этот! – От возмущения у докладчицы не нашлось слова, достоверно характеризующего объект обсуждений, но его и не потребовалось, потому что Лиз и так все поняла.

Слезы гнева тогда покатались по ее щекам от осознания того, что она едва не наделала глупостей из-за какого-то подхалима в сером костюме. Пазл сложился, разбив ее вселенную на куски и собрав в новом, нужном порядке.

Конечно же, как она раньше не поняла очевидной истины?! Единственной проблемой в ее жизни была не она сама, а долговязый водитель начальника – Дениэл, чертов, Кентмор, будь он неладен!

– Я его уничтожу! – Выплюнула Лиз.

– Не кипятись, дорогая! – Произнесла любовно соучастница и стала вдруг доброй и отзывчивой, успешно завершив вербовку новобранца. – Все не так просто. Нам нужна стратегия!

С того сентябрьского вечера их дружба процветала, если так можно было назвать холодную войну, разворачивающуюся вокруг ненавистного типа. Девушки спелись, объединившись против общего врага, и стали проводить время вместе по меньшей мере пару раз в неделю, нуждаясь в подпитке друг друга на сложном для обеих пути.

Ее маленький секрет о попытке суицида остался нераскрытым. Никому Лиз не смогла рассказать о своем белоснежном таблеточном ужине, которого не нашла по возвращении

из парка, словно ей все почудилось. Хотя она могла поклясться, что оставила его на краю стола перед уходом. Чудеса, да и только! Никто не заметил ее переломного момента, кроме самой девушки.

Погрузившись в себя, Лиз не услышала, как возле нее остановился автомобиль с той, которую она, собственно, и ждала этим странным вечером пятницы.

– Прости, дорогая, на Маркет-стрит страшная пробка! – Тут же зашебетала Мелани, приобняв замерзшего насупившегося воробья. – Просто замечательно, что ты согласилась составить мне компанию, одна я бы еще пару лет думала, и все равно бы не решилась! Идем?

Нехотя девушка поплелась за зачинщицей странного предприятия, не понимая толком, что она здесь делает. Вообще, сам союз «врагов Кентмора», если подумать, казался странным. Подругами их назвать было очень сложно, ведь одна превосходила другую по возрасту на целых пятнадцать лет, а по жизненному опыту и вовсе годилась в матери. Каждый раз наставница придумывала какой-то выход в свет для них обеих, непонятно, кого желая развлечь больше – себя или ее. Однако вот уже три месяца как девушки общались: им всегда было о чем поговорить и что обсудить. Впрочем, один объект обсуждения и стал ключевым фактором к их сближению.

– Как поживает наш подопытный кролик? – Вопросила Мелани, хитро поглядывая на приятельницу.

– Бесится, – просто бросила та. – Если бы не его внешность, я бы сказала, что он напрочь лишен знания, что в принципе можно делать с женщиной.

– А что меняет внешность? – Удивилась собеседница.

– Хм, многое! – Задумалась Лиз. – Ты ведь не думаешь, что он девственник, верно?

Женщина брезгливо поморщилась, однако далее нашла в себе силы признать, что и она думала о половой жизни того, кто так сильно портил ей существование, и тоже в довольно нелестном ключе. Хоть это ее и не касалось никоим образом.

Тем временем подруги зашли в одноэтажное кирпичное здание и, миновав пост охраны и бесконечно длинный коридор вглубь строения, нырнули в маленькую раздевалку с узенькими шкафчиками – каждый на персональном замке.

– И зачем мы сюда?.. – Пробубнила девушка, растерянно стаскивая с себя плотные колготы, чтобы заменить их на красочные в ядовито-розовых неоновых разводах лосины, купленные накануне.

– Потому что отзывы хорошие, – сообщила ей Мелани, занимаясь тем же самым.

– Я не об этом месте, а про йогу в целом, – вздохнула лиса и, закончив с переодеваниями, выпрямилась возле шкафчиков.

Вторая посетительница заведения оказалась не такой шустрой, отчего оказалась под взором девушки в белье. Та же невольно залюбовалась фигурой женщины, поражаясь, насколько ухоженно и облюбовано ее тело. Впрочем, у богатых свои причуды. Как и возможности, как и цели. Наверняка в этот стан вложена ни одна тысяча баксов.

– Не твой вид деятельности? – Больше утвердительно поинтересовалась Мелани, продолжая натягивать тугие лосины лаконичного синего цвета на стройные ноги. – Послушай, я тоже впервые. Но иногда нужно выходить из зоны комфорта, чтобы понять, кто мы есть на самом деле! Да и существует ли этот комфорт вообще.

Вскоре раздевалка опустела.

Зал для занятий занимал всю оставшуюся часть здания. Просторный и, должно быть, светлый днем, вечером он казался балетной школой. Впрочем, не исключено, что в свободные от йоги часы он ей и являлся. Длинные деревянные перекладины на стенах, закованных в отполированные зеркала, простаивали в эти часы без дела, зато пол, покрытый новейшим дубовым паркетом, уже облепился дюжиной ковриков разных расцветок и текстур. Под высо-

ким потолком во всю длину стены располагалось окно, за которым простиралась шумная пятничная мгла, подсвеченная оранжевыми всполохами фонарей.

По разным частям зала стояли девушки стайками по две или три щебечущих птички, создавая своими яркими нарядами калейдоскоп красок, от которых рябило в глазах. Смелая красотка в синих лосинах шмыгнула к одной из кучек посетительниц, чтобы узнать, что ждет вновь прибывших, оставив Лиз одну. Наконец, вся группа из двенадцати человек расселась по разноцветным коврикам, а визитерша в ярких розовых штанах так и продолжала робко топтаться на входе.

– Прошу всех внимание! – Призвала гостей активная молодая женщина, сидящая у дальней стены лицом к залу; она уставилась на Лиз крупными карими глазами в густых накладных ресницах и улыбнулась, как показалось посетительнице, излишне приветливо. – Похоже, у нас сегодня новенькая! Давайте поддержим ее! Как тебя зовут?

– Элизабет, – хрипло проговорила скромница.

– Проходи, Элизабет! Мы тебе рады!

Хоть от приторности голоса тренера и начало подташнивать, девушка, чей лоб сверлили двенадцать пар глаз, предпочла скорее ретироваться из зоны всеобщего внимания. Мягко ступая босыми пятками, она проскользила по залу и плюхнулась рядом со ставшей уже родной брюнеткой.

– Ты чего там застряла? – Прошипела та.

– Задумалась, – буркнула подруга и притихла, потому что дальнейшие полтора часа эфира заняла сладкая дама на главном ковре.

– Раз у нас сегодня новенькие, предлагаю повторить азы и вспомнить способы контроля дыхания.

Слушая долгую утомительную лекцию, щедро посыпанную странными словами на санскрите, Лиз порядком устала. В тот самый момент, когда захотелось выйти из зала, женщина утихла и предложила провести практику подготовки к основному занятию.

– Закройте глаза и визуализируйте самую яркую эмоцию на сегодняшний день, – вещала тренер тягучим голосом, словно в транс. – Чем она была вызвана? Попробуйте понять, в какой части тела она находится? Какого она цвета и текстуры?

С закрытыми глазами запросто можно было вздремнуть несколько минут, пока остальные не видят. Уже почти провалившись в сон под монотонный треп медовой женщины, она очнулась от того, что зал наполнился странным звуком.

– Выдувайте ее! – С упоением вещала тренер, задыхаясь от восторга. – Выдувайте свою боль и злость, чтобы ничего не осталось! Дуйте!

Двенадцать ротиков, смешно свернутых трубочкой, задували двенадцать невидимых свечей, стараясь изо всех сил. Мельком окинув взглядом подругу, девушка поняла, что самозабвенно не дует лишь она одна во всем зале. Шум ветра, который так мучил ее снаружи здания, теперь пробрался и внутрь. Пару раз дунув ради приличия, она оставила эту странную процедуру: уж больно глупо выглядели взрослые женщины, имевшие свои дела, бизнес или карьерный рост в крупных компаниях с большими, судя по стоимости одного занятия здесь, зарплатами, надувавшие щеки под гонениями некой, не совсем вменяемой тети. Потом, после занятия ее подруга обязательно восхитится результатом духовотерапии, как она восхищалась всеми странностями, которые посетили девушки за все время дружбы, а сама Элизабет покивает головой. Обычно этого было достаточно, чтобы ее оставили в покое. Но в этот раз она ошиблась.

– Боже, ну и бред! – Возмущалась Мелани по дороге домой. – Вот тебе и хорошие отзывы! Она неадекватная! Невменяемая!

– Тебе не понравилась эта елейная барышня? – Едко подначила ее собеседница, но женщина лишь презрительно фыркнула в ответ.

Привычным маршрутом, под звук привычного голоса подруги, обсуждавшей новые навыки и эмоции, в привычном угольно-черном «Ленд Крузере» они ехали по вечернему Сан-Франциско. За окном мелькала сплошной пеленой в мокром тумане иллюминация, поджигая черную мглу миллионом огней. Вскоре снаружи поплыли спальные районы Иннер Парксайт, и автомобиль остановился возле знакомого дома.

– До четверга? – Вывел Лиз из задумчивости голос подруги.

Она почти не заметила, как они добрались до дома.

– До четверга! – Эхом отозвалась девушка, но на выходе из машины, вдруг поняла, чего она хочет. – Только, Мелани, давай на этот раз никуда не пойдём, а? Приезжай в гости, я напеку слоеных «язычков» к чаю.

06

Впрочем, собственная бестолковость смущала, очевидно, лишь самого Дениэла. Потому что остальные, все, кому не лень, предписывали ему счастливое будущее в корпорации на управляющей должности. Сам же мистер Траст начал подкидывать работенку не из его весовой категории, и если по первой следил за водителем, то теперь начал слепо доверять решения разных ситуаций на его произвол. Частенько Дениэл узнавал об истинных условиях сделок лишь после их завершения.

– Ты верно поступил, не волнуйся! – Смеялся при этом шеф. – Я заведомо не стал тебя настраивать на предвзятое отношение, мне было интересно, как выглядит вопрос на свежую голову.

И ничего, что «свежая голова» при этом горела смущением и стыдом, это не мешало начальнику веселиться от души. К счастью, в декабре подобное поведение шефа сошло на «нет». Внешняя жизнь «Траст Инкорпорейтед» замерла, а вот внутренняя стала бить ключом. Гаечным. По голове.

Аврал начался резко, неожиданно, будто кто-то поднял рубильник с водопадом забот. Распорядок дня офиса теперь не предполагал обеда или иного праздного растроченного времени, зато длился до девяти вечера. Эту потрясающую новость о вечерних дежурствах шеф вынес на аукцион, объявив желающим сверхурочных тройную ставку, и, как ни странно, вызвал этим поток страждущих подзаработать перед праздниками. Сам же мистер Траст присутствовал в офисе с раннего утра до позднего вечера, пока последний сотрудник не покидал стены конторы. Он всецело был поглощен заботами коллектива и помогал, как мог. Если бы не этот позитивный фактор, то многие работники так и не узнали об огромной премии в конце года, уволившись раньше от истощения внутренних ресурсов, потому что напряжение в офисе от обилия задач можно было резать ножом.

Завершением этого безумства стали какая-то баснословная премия в три оклада и громкий корпоративный праздник перед выходными, на котором мистер Траст прочитал благодарственную речь коллективу и сообщил о том, насколько ему повезло быть руководителем таких грамотных и одаренных сотрудников. Дениэл проработал достаточно времени в «Траст Инкорпорейтед», чтобы понимать, чьей заслугой являлся такой сплоченный коллектив. Он вспоминал, как грамотно шеф складывал людей, вещи и обстоятельства воедино даже в самые кризисные моменты, отходил в сторону, когда это было необходимо, брал на себя контроль даже незначительных вопросов, когда вопросы не в состоянии были решиться без лишней крови, и в очередной раз поражался его мудрости и стойкости. Оливер Траст был воистину на своем месте в этой жизни, он родился, чтобы править корпорацией.

А еще Дениэл с интересом наблюдал за людьми, которые подстраивались под смену приоритетов, как могли. Сотрудники теперь вместо кофе и комплиментов обменивались звонками и папками. Между тем, коллектив был настолько разносторонним и многогранным, что казалось удивительным, как люди вообще находят общий язык. Менеджеры общались друг с другом очень свободно, просили спасти или подменить, приносили друг другу круассаны с шоколадной начинкой из кафетерия на углу, обменивались улыбками или вовсе поцелуями.

Даже тошнотворный Джим Палермо, который, похоже, клеился теперь к симпатичной Пенелопе Фрост, перестал вызывать у него стойкое желание дать ему в нос. Сама же Пенни не отшивала кудрявого толстяка лишь в силу своей загруженности: она оставалась сверхурочно по три дня в неделю, как самая незанятая в офисе. Роскошная темнокожая Грейс занялась проблемными вопросами офиса, словно разнимать расшалившихся детей было ее привычным делом, а премилая рыженькая Тамара взяла на себя поддержку выдохшихся. Вот и сейчас она

сидела и утешала худощавую темноволосую женщину, которая работала здесь второй месяц, и застала на испытательном сроке непосильную для себя нагрузку.

Люди восхищали его. У Дениэла даже таких друзей не было, чтобы сердце открыть нараспашку и наслаждаться встречным ветром в лицо, не говоря уже о знакомых или сотрудниках. Он даже начинал сожалеть о том, что многое терял, будучи всего лишь водителем, ограниченным пространством служебного автомобиля, ровно до того мгновения, пока не сталкивался взглядом с личным помощником директора.

Однако если наблюдать непредвзято за стойкой ресепшна, что порой давалось ему с видимым трудом, то можно было заметить любовь и гармонию, царившие и в этой части офиса. Девушки были очень дружны и приветливы, прикрывали тылы и живо общались на разные темы. Полненькая светловолосая Элис очень сблизилась с медузой, которая теперь с удвоенной силой была Дениэла по причинным местам. Летние денечки спокойствия вспоминались молодым человеком как санаторная путевка в рай. Но осенью гримза снова принялась клевать его печень, цепляясь к нему вульгарно, буквально навязывая себя. И где только сил находилось?! Не иначе как выдра подпитывалась энергией из некоего ядовитого источника, доселе неоткрытого наукой.

– Эй, красавчик, отчего твоя сладкая мордашка так нахмурилась и напоминает теперь твой сладкий зад? – Пропела она на весь офис, улыбаясь алой помадой. – Неужто грустишь о вечерах, когда меня нет рядом с тобой?

Сжав челюсть плотнее, водитель проигнорировал замечание, хоть это и стоило ему лишнего стакана нервов. Малиновые пятна на щеках выдавали его истинную реакцию, хоть он и пытался анестезировать ум, залив его бесчувственным бетоном.

Неугомонная Лиз Харви стала основной причиной, почему молодой человек стал заниматься развозом документов, хоть это и не касалось его работы. Все равно встреч не было – шеф всецело был душой и сердцем офиса, а сидеть без дела в машине казалось не очень веселой затеей.

Но сегодня водитель пока что оставался не востребованным, а поэтому уселся на свое излюбленное место – синий диван в зоне ожидания, чтобы наблюдать за офисом, прикрывшись журналом.

– Кентмор! – Раздался вдруг кислый выпад рядом, едва он расслабился.

Дениэл поднял взгляд от журнала, служившего прекрасной ширмой, и встретился с темным надменным взглядом главного менеджера. Толстый мерзкий Джим за три месяца стал еще толще и еще противней. Выиграв пару битв по очарованию начальства, он возомнил о себе гораздо больше, чем представлял на самом деле, и теперь играл в офисе роль большого мальчика.

– Собирайся, тебе тут работенка, – бросил кудрявый беспардонно.

– Нет, – отрезал Дениэл и вернулся к глянцевому «Менс Хелс», не удосуживаясь даже оценить реакцию на выпад.

– Ты не понял, водитель, я тебя не о личном одолжении прошу! – Взвился Джимми. – Собирайся в дорогу, родина ждет от тебя подвига!

– Уймись, Палермо, ты мне не начальник, – рыкнул громила и, выдержав разъяренный взгляд толстяка, откинулся на спинку дивана.

Плохо сидящий костюм с мешковатыми карманами, несший в себе главного менеджера, проскочил в три гневных шага путь до кабинета начальника и, ворвавшись в прозрачную дверь, оставил в оупен-спейс, полном работников, звенящую тишину. Дениэл оценил двадцать пар глаз, уставившихся на него, и, подлив в эмоциональный контейнер еще бетона, вернулся к чтению.

Вскоре толстяк вышел от шефа и молча сел за свой стол, очевидно, потерпев поражение. Его шакалоподобные дружки хотели было спросить, в чем дело, но тот лишь огрызнулся

в ответ. Палермо зыркал налитыми кровью глазами на синий диванчик, где мирно восседал Дениэл, едва сдерживая ненависть к верзиле.

Похоже, главный менеджер только что выбрал себе цель на уничтожение.

07

– Фейерверк! – Изумилась Алекса, просунув лицо между сверкающих струй бусин на окне.

Где-то там, недалеко от границы поместья, взлетали к небу и рассыпались тысячами мерцающих частиц химические реагенты. Девочка выскочила из комнаты и понеслась по ступеням в «ледяную башню», чтобы поделиться удивлением с самым родным человеком. Дверь оказалась приоткрыта, а тот, кого она искала, уже сидел на привычном месте в голубоватом тумане задумчивости.

– Папа, фейерверк! – Выпалила дочь и, едва окинув родителя взглядом, бросилась к панорамному окну кабинета.

– Красиво, – согласился отец, встав рядом. – Странно, да?

– Это восхитительно! Сочельник ведь! – Сияла гостья помещения.

– Да, видимо, кто-то заказал себе у Санта-Клауса День Независимости в декабре, – усмехнулся он, притягивая в объятия свою любимицу. – А ты что попросишь у него?

– Пап, Санта-Клауса не существует, – абсолютно серьезно проговорила Алекса и смерила его взглядом, каким оценивают доктора легкую степень сумасшествия у пациента. – Его выдумали родители маленьких детей, чтобы шантажировать их целый год хорошим поведением ради одного подарка.

Хохот отца громом отразился от голубых стен «башни», а сам мужчина прижал к себе покрепче свою не по возрасту скептическую дочь. Виновник их встречи при этом, словно обидевшись на замечания Алексы, стих, угаснув последними звездочками на темном небе.

– Видимо, ты никогда не просила у Санты чудес, а? – Отсмеявшись, поинтересовался глава семьи.

– А как просить? – Не поняла девочка.

– Ему нужно написать письмо с желанием, и все исполнится, уверяю!

С этими словами хозяин кабинета вернулся за стол и открыл лэптоп. Алекса наблюдала за папой, ставшим на минуту наивным мальчишкой, с мягкой снисходительностью, будто тот чудил на старости лет. Однако ему в сентябре исполнилось всего тридцать восемь лет, а ранняя седина заполнила лишь виски, оставив темные волосы на макушке и затылке, так что о старости речи не шло, скорее, среднем возрасте зрелого мужчины, коим отец и являлся. Он долго щелкал мышью, набирал что-то на клавиатуре, и, наконец, победоносно вскрикнул. После этого взял ручку и размашисто начеркал что-то на отрывном листке для заметок. Алекса приняла из его рук этот листок, на котором оказался электронный адрес заветного деда.

– Ты серьезно? – Приподняла бровь дочь.

– Абсолютно! – Кивнул глава семьи. – Иди, пиши. И поставь мой адрес в копию.

Теперь пришел черед Алексе хохотать. Тысячи звонких колокольчиков рассыпались по комнате девичьим смехом. Но девочка приняла условия игры и побежала на этаж ниже, чтобы последующие несколько часов ломать голову у компьютера, не представляя, что писать исполнителю мечтаний.

«Дорогой Санта! – Мелькали по клавиатуре ее тонкие пальчики с коротко остриженными ноготками. – Много лет наши отношения не складывались, потому что я в тебя не верила, но...»

Алекса замерла, глядя задумчиво в монитор.

– Получается ерунда, – посетовала она и стерла все, кроме приветствия.

Она даже толком не знала, что собирается просить у седовласого исполнителя желаний, потому что все, чего ей не доставало в жизни, оказалось необъяснимым и неосязаемым. Материальный мир, спешивший удовлетворить любой каприз за ее деньги, не интересовал девочку

своими предложениями, ведь обилие вещей и услуг могло быть нужным, выходи ты из поместья хотя бы раз в неделю. Но к ней это не относилось, а посему и желания были такие странные.

Вероятно, Санта будет крайне удивлен, получив письмо от пятнадцатилетней красавицы с тем, чтобы ее полюбила мама и впустила, наконец, в свою жизнь, чтобы мир стал более дружелюбным, и она смогла выйти из дома хотя бы на Весенний Бал, как Золушка. Или с тем, чтобы ее заметил мужчина, приковывавший все ее мысли и внимание в последнее время. Хотения крайне удивительные, но иного у нее не было. Точнее, наоборот, все другое – было, а вот эти нетипичные для подростка потребности вынудили ее поверить в чудо.

«Дорогой Санта! – Начала она снова. – Я хочу начать взрослеть! Контроль и запреты близких людей мешают мне жить и развиваться».

И снова она замерла над клавиатурой, потому что сочла за дерзость пренебрежение родительской заботой. Похоже, она и вправду очень плохая дочь.

– Как же сложно! Получается, единственная моя проблема в том, что я – маленькая! – Расстроилась Алекса и встала из-за стола.

Это бесполезно, ускорить ее рост не смог бы даже Санта-Клаус. Казалось, стань девочка в одночасье совершеннолетней, она смогла бы вырваться из гнезда, начать новую жизнь и пригласить Дениэла на свидание.

– Нет, не смогла бы, – расстроилась мечтательница.

За окном уже окончательно стемнело, а значит, совсем скоро придется закончить «заниматься ерундой», как сказала бы мама, и идти в гостиную на праздничный ужин. Есть не хотелось. Особо угрюмые мысли вызывала традиционная капустная запеканка, которую мама делала каждый год в сочельник, но сказать о том, что блюдо не по ее вкусу, означало обидеть маму. Что ж, раз в год придется потерпеть.

«Дорогой Санта! – Решилась все же Алекса на последнюю попытку. – Спасибо тебе за все, что у меня есть. У меня самые лучшие в мире родители, друг и жизнь в целом. К сожалению, мне ничего не нужно из того, что ты можешь дать, а остальное у меня и так появится чуть позже».

Нажав клавишу «отправить», Алекса встала из-за стола и направилась в гардеробную, где выбрала для себя мамино любимое платье карминового цвета в зеленую клетку. Вполне себе рождественская расцветка.

Теперь подарки. Папа примет в дар очередной холст акрилом в кабинет, а мама – многослойную открытку, нарисованную акварелью, и табель успеваемости из университета с отличием. Тоскливо до оскомины, но родителям так нравилось. Сама бы она хотела на Рождество путевку в кругосветное путешествие, куртку из эко-кожи на косой молнии и прокол левого крыла носа. Но получит, Алекса была уверена, безделушку из маминой коллекции или еще один набор красок.

Хотя, на день рождения девочка тоже ожидала очередную куклу, но вопреки этому стала обладательницей конструктора от Дениэла. И пусть официально считалось, что подарок от отца, но записка, нацарапанная неровным квадратным почерком, оказалась едва ли не более важной, чем факт того, кто в это вложил деньги.

Оглядев себя в зеркало, Алекса взяла в руки два свертка – один большой и увесистый за счет тяжелой рамы, а второй – конверт офисного формата, – и хотела уже выйти из комнаты, готовая к праздничной суете, но замерла. Она подошла к столу и из ящика с резюме вынула небольшой конверт со второй акварельной открыткой, предназначенной для друга. Самое время отнести ее в их место свиданий, потому что до ужина оставался еще целый час. Через минуту комната опустела.

Гостиная утонула в вязкой синеватой тишине, замерев в пространстве и времени пустотой и холодом. Лишь мирно переливалась тысячами лампочек елка, украшенная мамой так, словно та готовилась к конкурсу по дизайнерскому искусству. Алекса оставила свертки для

родителей под деревом, чтобы те напитались волшебством, а сама скользнула за зеркальные двери.

Декабрьская прохлада моментально настроила ее голову на нужный праздничный лад, вызвав приятные мурашки по всему телу. Порадовавшись, что додумалась выйти на улицу освежиться перед ужином, девочка поглубже вдохнула запахи сада и поспешила завершить начатое.

Она обогнула крыло поместья и вошла в бетонный блок. Голые стены отражали гулким эхом каждый ее шаг, словно в склепе, а влажность, забиравшаяся наглыми лапами под платье к самому белью, в компании с запахом прения вызывали ассоциации с пещерной жизнью. Хоть гараж и не являлся очень уж романтичным и приветливым местом, но для Алексы лучшего не найти, чем привычный и родной бетон. Раньше, пока в отсеке не обосновался Дениэл и не наделил его душой, гараж для девочки был неким подземельем, пустым и безжизненным, но теперь каждый шорох здесь напоминал о нем, вызывая трепет души подростка. Алекса подошла к «БМВ» отца, так любовно обхаживаемой приятелем, что она невольно иногда желала стать поломанной машиной, и положила под щетку на ветровое стекло маленький конверт со своими инициалами. После чего, раскрасневшись, спешно покинула здание и вернулась в теплую гостиную.

– Ты где была? – Встретила ее мама, суетившаяся возле кухонного уголка.

– Гуляла, – осторожно выдала Алекса, но тут же продолжила более дружелюбно: – Чем тебе помочь?

– На-ка, расставь посуду по столу.

Наблюдая за родительницей, которая в этот вечер оказалась особенно красивой в приталенном платье винных тонов и с праздничным макияжем, девочка взяла посуду и принялась неспешно раскладывать тарелки из белоснежного французского фарфора по темной тверди столешницы.

Хозяйка поместья очень дорожила этим сервизом, подаренным ей матерью из закров семейных сбережений еще в те времена, когда общение между ними имелось.

Тончайшее стекло покрывало ореховое дерево так, словно бурую землю – белейший первый снег, которого Алекса никогда не видела вживую. Красота контраста настолько заворочила девочку, что она забыла о матери, вдруг отложившей все дела и следившей за плавной задумчивой дочерью излишне внимательно, буквально впитывая каждый ее жест. Когда же мечтательница вспомнила, что в комнате не одна, то вздрогнула и подалась назад, едва не утянув с собой часть антикварного фарфора.

– Осторожно! – Рявкнула мать, очнувшись.

Внезапно мир дрогнул и расслоился множеством контуров, а вокруг лампочек заплясали тысячи разноцветных искр. Очень плавно, едва осознавая свое тело, девочка наклонила голову и принялась разглядывать новую реальность. Золотистый шиммер обволакивал теперь искрящейся пудрой каждый источник света. Алекса обернулась на елку и замерла от благоговения, настолько великолепной оказалась та. Девочка вернула взгляд затуманенных карих глаз на мать, ставшую невыносимо несчастной и грустной в этот момент. Губы женщины стали узкими и опустились уголками вниз, как у голодной собаки, а между бровей залегла глубокая складка, прибавив обладательнице лишних пару десятков лет. А еще заболела голова. Алекса принялась растирать лоб между бровей, ощущая в этом месте неподъемную тяжесть.

– Не-ет, только не сейчас... – Отчаянно протянула Мелани и закричала в лестничный проем: – Оливер, ты нужен!

Тон супруги не оставлял времени для раздумий, и глава семьи, бросив недовязанный галстук на кровать, пулей вылетел из спальни. Слетев по лестнице в гостиную, он замер от увиденной картины. Безвольно опустив руки, Алекса зависла пустым взглядом в елке.

– Кто на этот раз? – Спросил он, стараясь двигаться теперь медленно.

– Никто, – растерялась супруга. – Я? О, боже, это я! Но я же... Она вернулась с улицы, может кто-то там?

Крупные слезы сорвались из уголков ее глаз, и женщина, обессилев, тяжело уселась на стул, испугавшись собственных мыслей.

– Не важно, – отбросил рассуждения глава семьи и повернулся к дочери. – Алекса, милая, идем, я провожу тебя в комнату.

Свободно отдавшись во власть отца, девочка побрела по лестнице на второй этаж, на ходу рассматривая странные контуры привычных предметов. Наконец, вокруг все заполнилось мягким песчаным сиянием, и Алекса очнулась в своей комнате. Она сидела на кровати, внимательно рассматриваемая отцом, застрявшим в дверях.

– Пора, да? – Догадалась дочь, тепло улыбнувшись. – Запеканка ждать не будет.

Под смех главы семьи они спустились назад в гостиную, откуда вышли буквально несколько минут назад, но теперь готовые к душевному празднику.

– Мам, ты просто невероятно красивая! – Просияла Алекса, восхитившись высокой прической родительницы, но тут же заметила легкое покраснение век родных глаз. – Что случилось? Ты плакала?

– Нет, милая, это злобный лук! Весь макияж испортил, – отозвалась мать приветливо и, хлюпнув носом, отошла к зеркалу оценить масштабы катастрофы.

Елка продолжала мерно мигать огнями, подсвечивая цветными искрами многочисленные свертки под ней. Отец развалился на диване в ожидании угощения, оценивая восхищенным взглядом двух своих самых прекрасных девушек в мире, и Алекса почувствовала, наконец, праздничное настроение сочельника, обещавшее подарки и семейный ужин. Бесконечное счастье и благодарность поселились в ее сердце в момент, когда мама открыла духовой шкаф. Тугой специфичный запах капустной запеканки, знакомый с раннего детства, окутал ее обоняние, напомнив о самом главном в ее жизни: Алекса была дома, в любящей семье.

08

Утро сочельника постучалось в его закрытые веки, но, не получив обратной связи с мозгом, оставило сонное тело в покое. Все равно светить в окна было нечем: все небо от южного до северного горизонта затянула тугая сизая пленка, готовая вот-вот разразиться дождем. В такую хмурию поднять с постели того, кто всю неделю работал в подмастерьях у двадцати работников офиса, каждый из которых хотел отщипнуть в свою пользу кусочек доброго водителя, оказалось занятием безуспешным. А значит, и попытки можно оставить, уж лучше заливать моросью без того влажные подъездные дорожки. Чем сейчас же и занялось угрюмое пасмурное небо.

Сперва легкие, похожие на крошечных белых мушек капельки упали на еще мокрую газонную траву, не успевшую просушить росу за столь короткое утро. Словно пробуя свои силы, стихия постепенно прибавляла густоты водяной пыли, и уже через полчаса выдала крупные капли дождя. Тяжелые облака радовались освобождению от бременного груза, щедро разбрасывая его по земле.

Наконец, Дениэл начал ворочаться в своей постели. Вскоре нужда заставила его встать на ноги и больше не прилечь уже этим утром, сулившим чудеса и волшебство.

Уже к обеду дождь утих, а к вечеру небо очистилось ровно настолько, чтобы стал виден недалеко от поместья грохочущий фейерверк, устроенный каким-то умельцем, вспомнившим детство.

И все же перед Рождеством полагался снег. Миррормонт, лежавший гораздо северней Калифорнии, славился снежными зимами с сугробами на обочинах и гололедицей. Не желая сегодня вспоминать угрюмый городок, Дениэл провалявшийся целый день в постели, решил задолго перед ужином отправиться на кухню. Компания Дороти Льюис сейчас как нельзя кстати могла согреть его закованное в бетон сердце. Натянув на крепкое тело домашние светлосерые трикотажные штаны и белую свободную футболку, Дениэл вышел из комнаты и поплелся по коридору в сторону гудящей вытяжки и булькающего варева на плите.

– Как же замечательно, Дениэл, что ты согласился остаться в городе на рождественские каникулы, и мистер Траст отпустил домой Альфреда, – вещала Дороти, деловито хлопоча у плиты. – Ведь у него в Финиксе остался сын-инвалид, за которым сейчас ухаживает его внучка. Он не видел их очень давно, наверное, ужасно соскучился!

– А где Ваша семья, миссис... – запнулся Дениэл лишь на секунду, едва не спутав фамилию кухарки с Фишер, но вовремя поправил себя. – Льюис?

Удивительное тепло, исходящее от женщины, заставляло вспоминать о матери его лучшего друга из раза в раз. И не важно, что Марта была пшеничной блондинкой с легкой седой, когда Дениэл в последний раз ее видел, а Дороти обжигала равномерной чернью волос, собранных в пучок на затылке, это не меняло его ощущений в их компании. Почтительное счастье вперемешку с позицией ученика определяло ему место едва ли не сына по отношению к кухарке, что, вероятно, устраивало их обоих.

– Лара – это моя дочь – вышла замуж пять лет назад и переехала жить в Мюнхен, – проговорила Дороти, помешивая бобовое рагу лопаткой. – А малыш Кенни, младший сын, разбился с Освальдом в автокатастрофе, когда Ларе исполнилось семь, царство им небесное, земля пухом.

Оглушенный неожиданной информацией, что в сердце миссис Льюис за всепоглощающими любовью и заботой может жить огромное горе женщины, потерявшей половину семьи, Дениэл уставился на свои руки потерянными взглядом.

– Мне очень жаль, – пробормотал он глухо.

– Мне тоже жаль. Но, видимо, таков путь божий, – смиренно проговорила собеседница. – Так что здесь теперь моя новая семья. А где твои родные, мальчик?

Вообще, если подумать об этом заранее, то можно было и догадаться, что последует встречный вопрос. Но у Дениэла не имелось хоть сколько-нибудь адекватных причин, почему он не поддерживает связь с близкими, кроме собственной гордыни, за которую вдруг стало стыдно перед доброй женщиной. Он почесал щетинистый подбородок и глубоко вздохнул, жалея о затронутой теме.

– Сара осталась дома, – наконец, выдал он. – Это моя мать.

– Ты называешь Сарой свою маму? – Удивилась кухарка и, получив кивок в ответ, сокрушенно покачала головой. – Должно быть, у вас совсем неважные отношения, да?

Второй кивок, менее уверенный, последовал вслед за первым. Тяжелый камень встал в горле, едва он начал произносить запрещенные себе много лет назад имена вслух. Горловой спазм скрутил связки, словно говоря о ней без пренебрежения и злобы, Дениэл предавал самого себя. Однако на этом расспрос закончился. Тактичная миссис Льюис, в отличие от Марты Фишер, которая стала бы сейчас выламывать ему руки, доказывая необходимость любви к матери, предпочла промолчать, за что беглец из родного дома оказался ей очень признателен.

– Попробуй вернуться, поговорить с ней! – Наставляла в свое время Марта, примерно на второй неделе его бездомного скитания или около того. – Вы же восемнадцать лет прожили под одной крышей, не может так сложиться, что ей нет дела, куда ты отправился!

Но Саре не было, в этом Дениэл несколько не сомневался. Отпустив ненужные мысли о доме, он выдохнул тяжелый воздух из легких, плеснув еще немного бетона в сердце, и поспешил сменить течение разговора.

– Значит, мы сегодня вдвоем? – Уточнил он внезапно осипшим голосом.

– Луи присоединится к нам на ужин, – добродушно сообщила Дороти, словно ждала родного брата. – Ты ведь знаешь Луи Кроненберга, он живет в домике охраны. Уж сколько раз мы его звали переселиться сюда, в поместье, а он ни в какую! Хорошо ему там, рядом с арсеналом своих подопечных. Я его мальчиков уж и по имени запоминать перестала, слишком часто сменяются. Что ж, пора накрывать!

Мелькая темно-зеленым домашним платьем с неизменным цветочным принтом, миссис Льюис скоро побросала на белую столешницу толстую фаянсовую посуду цвета спелой сливы, которая контрастировала с непрактично светлой, но всегда идеально чистой кухней.

Полчаса спустя, грузно ступая тяжелыми армейскими ботинками, в дом ступил плотный мужчина около сорока лет с густыми, словно у моржа, ярко-оранжевыми усами.

– Луи, как же прекрасно, что ты пришел! – Пропела неподдельно счастливая миссис Льюис, подгребая себе в новоиспеченные сыновья очередного добровольца, только на этот раз немногим младше ее самой.

Кроненберг окинул взглядом еще одного гостя кухни и, подумав с пару секунд, протянул Дениэлу руку на приветствие, приняв его, наконец, за «своего».

– Как дела на фронте, солдат? – Бросил он молодому громиле резким отрывистым басом.

– Все спокойно, сэр! – Подыграл ему водитель, вскинув шутливо руку под козырек.

– Молодец, парень. Можешь вступать в ряды охраны, если надумаешь, – кивнул Луи и обратился к Дороти: – Только я к вам ненадолго.

– Пока часы не пробьют полночь, я помню, – улыбнулась та и принялась раскладывать праздничное угощение по тарелкам.

– Верно, – кивнул усатый «морж», – иначе моя карета прекратится в тыкву.

После плотного и душевного ужина Дениэл мирно лежал на кровати в своей комнате, уставившись в экран планшета, и не нуждался ни в компании, ни в алкоголе. Это казалось странным, но он не ощущал неудовлетворенности, напротив, чувствовал, что праздник прохо-

дил в семье, которой у него толком никогда и не было. Зато теперь сытый и окутанный материнской заботой, он искренне наслаждался одиночеством, распластавшись на удобном ложе.

Строгий начальник охраны покинул их незадолго до одиннадцати вечера, сославшись на долг службы, хотя в сочельник во дворе было спокойно, даже ветер утих. Однако никто не усомнился в важности его дел. Луи поблагодарили за визит и оправили восвояси, нагрузив в гостинец сотрудникам большой пирог со шпинатом.

Рождественская ночь сверкала сообщениями с поздравлениями, а социальные сети пестрили изображениями елок, Санта-Клаусов и ярких огоньков. Америка отмечала Рождество громко и пафосно, пересылая шумиху больших городов по лентам. Тягучая дремота окутала Дениэла вскоре после полуночи, и, не дождавшись бородатого деда в санях с оленьей упряжкой, мужчина погрузился в теплый уютный сон.

09

Ленивое розовое солнце равнодушно зависло над горизонтом в лиловой дымке, всячески игнорируя мирские невзгоды. Не интересовали его ни резкие порывы ветра, вздыбливающие волны на пустынном пляже, ни орущие чайки, едва справляющиеся с агрессивной стихией, ни слезы, стынущие от движения воздуха на щеках одинокой девушки. Лиз смахнула влагу и, кутаясь по самые уши в невероятных размеров бежевую куртку, снова устала в ту точку, где за много миль от берега волна встречалась с небом. Справа от Бейкер Бич в той же туманной пелене высился мост «Голден Гейт», словно скелет динозавра в палеонтологическом музее. Ему тоже не было дела до мировых забот. Переглянувшись с сонным светилом и пожав красными арматурными плечами, он снова встал в исходное положение, довольный своим местом в жизни.

И только гостье побережья не по вкусу были мысли, посещавшие тут ее голову. Вроде и причин для слез не было, но душу щемила такая одинокая тоска, что впору лезть в петлю. Но нет, Лиз там уже была. Точнее, не там, но рядом.

Рождественское утро мало того, что не сулило девушке никаких подарков, так еще и не предполагало никаких гостей или посетителей, кроме разве что бездомного пса с клоками свалывшейся шерсти на брюхе, которого они подкармливали всем кварталом. Тот в поисках объедков сгромыхал крышкой зеленого соседского бака для мусора и, разочаровавшись его содержимым, поплелся прочь в сторону океана. Именно тогда ей и пришла в голову шальная мысль о прогулке по мокрому пляжу, почему бы и нет. К вечеру обещала приехать Мелани с пищей и подарками, а пока можно было и сбежать из дома в надежде, что недобрые мысли останутся там.

Однако мысли никуда не делись. Они тянулись за девушкой шлейфом до самого пляжа, словно хвост улитки, и после получаса прогулки на пронизывающем ветру снова втянулись в опустевшую ненадолго ракушку. Странное рвение к итогам года, которое Лиз частенько высмеивала в Оли, теперь постигло и ее. Одинокую, бессердечную, отчаявшуюся карьеристку, главной радостью которой было изживание со света водителя шефа. Порывшись в собственных гнилых мыслях, вторым по величине счастьем она нашла обсуждение этих гнусных побед с подругой, ее единственной поддержкой в этом бесславном занятии. Зато не одна.

Помимо работы, дома и войны у Лиз не было ничего. Она не ходила на йогу, не вязала пинетки и не лепила из глины, ее не забавляли вышивка или шитье, а от рисования и вовсе начинал дергаться левый глаз, напуганный воспоминаниями об уроках изобразительного искусства в приюте.

– Я готова на любой знак, пожалуйста! – Захныкала девушка, уставшая от ненужных, опустошающих вечеров.

Словно ей в ответ, смартфон просигнализировал о пришедшем сообщении.

– Ого, так быстро! – Восхитилась Лиз и полезла в карман.

Письмо спама, упавшее на электронную почту, зазывало на пробный бесплатный урок тай-бо. Что это за диковинный зверь, она не знала, и не узнала бы, если бы не опомнилась в последний момент, едва не удалив рекламу из корзины.

– Придется звонить, – вздохнула лиса и поднялась с песка, готовая найти менее ветренное место, чтобы записаться на очередную авантюру «а-ля Мелани Траст».

Сопrotивляясь встречному ветру, Лиз выбралась с пляжа на прибрежную дорогу и направилась к ближайшему кафе. Там за чашкой крепкого чая с бергамотом, щедро подслащенного медом, она и обязалась прийти на занятие со странным названием. Сперва она хотела дожидаться вечера и посоветоваться с подругой, потому как именно она была специалистом

по ненадежным приключениям, но потом решила рискнуть и выйти в свет самостоятельно, нужно же когда-то начинать.

Допив чай и расплатившись, девушка собралась домой. Такси подобрало пассажирку возле опустевшего послерождественским утром кафе и за двойную плату доставило в тихий Иннер Парксайт. Там, в своем уютном доме, скинув куртку и закутавшись в плед, Лиз принялась выбирать рецепт хоть какой-то выпечки на вечер из того, что затерялось в закромах ее ящиков и холодильника.

Вскоре плед упал на пол, кухня наполнилась кремово-ванильным ароматом свежих капкейков, а входная дверь распахнулась перед прибывшей на такси гостьей.

– Что с твоей машиной? – Удивилась Лиз, принимая у подруги из рук легкую дубленую парку с искусственным лисом на воротнике.

– С ней все отлично, просто Альфред уехал домой на праздники, – пояснила гостья. – Оливер хотел меня отправить на «БМВ», я едва спаслась от его блестящего предложения! Еще чего не хватало!..

Девушки продвинулись в кухню и расселись возле стола, заставленного угощениями, венцом которых оказался пряный имбирный чай.

– Как отпраздновали? – Расспрашивала между делом хозяйка домика, подготавливая посуду для чая.

– Замечательно! Только капустная запеканка мне уже порядком надоела! – Сетовала Мелани, закатывая глаза к потолку. – Времени занимает уйму, а популярностью не пользуется. Плюс потом дом проветриваем целый вечер, потому что запах, сама понимаешь...

– Почему бы ее не отменить тогда, раз она доставляет столько хлопот?

Взгляд змеи, которой только что наступили на хвост, стал ей красочным ответом. Подруга набрала в легкие воздуха, отчего стала чуть выше и шире, чем привычная Мелани, а верхняя губа напряглась, обнажив ровные белоснежные клыки. И никакая шифоновая блуза с рюшами кремового цвета не смогла смягчить яд, с которым ее носительница принялась выплевывать слова.

– Что это за Рождество без капустной запеканки? Мы всегда с мамой делали ее в Сочельник, совершенно не представляю, зачем тогда нужен праздник, если ее не печь!

– Хорошо, пусть, – смирилась девушка, удивившись натиску. – Не хотела посягать на святиню, прости.

На какое-то время в кухне повисла гнетущая тишина. Каждая из собеседниц зависла в своей кружке с напитком, смущенная излишней эмоциональностью разговора, и делала вид, что помешивать его чайной ложкой так долго – разумеющаяся необходимость.

– Знаешь, а у нас было не принято отмечать Рождество, – внезапно нарушила тишину Лиз. – Это было очень накладно для миссис Кирби, и она запретила нам выдумывать праздники. Так что сейчас у меня даже елки нет в доме, не привыкла.

– Ох, дорогая... – Вздохнула сокрушенно Мелани, протянув руку к ладони девушки, но тут же загорелась идеей. – Тебе непременно нужно устроить праздник прямо сейчас! Поедем за елкой, а после этого будем писать письма Санта-Клаусу!

– Этого не требуется, спасибо, – остудила ее пыл Лиз, печально улыбнувшись. – Я всю жизнь так живу и не ощущаю нехватки.

– Но как же? Рождество ведь, – опешила Мелани и притихла.

– Да, Рождество. Днем больше, днем меньше, – спокойно до меланхолии протянула хозяйка кухни. – Какое это имеет значение, если живешь одна во всем мире?

Заметив, что ее гостья едва сдерживает слезы жалости, Элизабет рассмеялась и обняла ее за плечи.

– Эй, я в порядке, правда! Просто прекрасно, что ты чтить семейные традиции и печешь капусту. Это действительно здорово!

Однако момент оказался безвозвратно испорчен. Разрываясь между нестерпимой жалостью и нежностью к малышке, Мелани отчаянно хотела вернуть той украденное детство. У женщины были все возможности устроить развлечения на любой вкус, но девушка почему-то совсем не рвалась пользоваться ими. Она мирно сидела на кухне и отпивала чай из кружки, словно ничто другое ее не касалось. Странная пассивность и нежелание двигаться удивляли и поражали мать девочки, которой дай сейчас свободу, черт-те что могло бы произойти. Но Лиз, вероятно, не догадывалась о своем счастье быть обычной девчонкой.

10

Домой Мелани вернулась измотанной и выжатой, словно проиграла битву за жизнь. Казалось, ничего ужасного не произошло в гостях у подруги, но тело вдруг налилось свинцом, а сердце стучало через раз, вызывая тонкую пленку испарины на лбу. Что-то невесомо ужасное принесла женщина из гостей в дом, но сама пока не поняла, что именно. И второй вопрос – во что это выльется в итоге?

Ватные ноги еле донесли ее от кованых ворот поместья, возле которых ее высадило новехонькое лимонное такси, до зеркальной бурой двери, согласившись сделать последний осознанный шаг как раз за порогом родного дома. После чего они обессилено согнулись в коленях, заставив владелицу слегка прислониться к темному стеклу, чтобы окончательно не потерять равновесие. Кроме того, под вечер начался дождь, оставивший на ее плечах и прическе мельчайшие капли влаги, которые, осев, утяжелили одежду и волосы. И душу заодно.

В гостиной возле мигающей елки, которая после Лиз вызывала теперь двоякие эмоции, откинувшись на массивный диванный подголовник, дремал Оливер. Услышав щелчок дверной ручки, он вздрогнул, но тут же обрел спокойствие, увидев супругу.

– Как прошел вечер? – Поинтересовался он тихим басом.

Вместо ответа Мелани подошла к нему и, скинув увесистую от дождя бежевую парку, отороченную мехом, уселась рядом, сложив голову на плечо. Пустота и отчаяние заполнили ее самость настолько, что говорить не хотелось. К тому же, он не знал о таинственной подруге жены ровным счетом ничего, а значит, и открыть сердце целиком она ему не могла. Хотя, можно было попытаться частично его облегчить.

– Как можно спасти человека против его воли? – Произнесла она почти шепотом.

– Однозначно, никак, – так же тихо изрек он ей в волосы. – Но ему можно помочь.

– А это не одно и то же? – Изумилась женщина и внимательно поглядела на супруга.

Его темные, почти черные зрачки отливали домашним теплом елочной гирлянды, а сюрреалистический цвет лица мерно сменялся под лампочками от одного цвета к другому.

– Конечно, нет. Мы ведь не можем спасти Алексу, верно? Но можем помочь ей жить относительно полноценной жизнью, насколько это возможно.

То ли день выдался чудовищным, то ли вопрос о спасении детей оказался уж больно животрепещущим, но Мелани не выдержала и захлебнулась в слезах, которые слишком долго сдерживала. Спустя время, на протяжении которого собеседник мягко обнимал ее и поглаживал спину, она смогла успокоиться и безвольно обмякнуть в его руках.

В такой мирной позе чета Траст, казалось, просидела целую вечность. По стеклу лениво сползали декабрьские слезы Сан-Франциско, превращающие прозрачную стену поместья в рябую пупырчатую шкуру дракона. Часы тащили тяжелую секундную стрелку, неуклюже запинаящуюся на каждой отметке циферблата.

– Я решил отдать детям твой «Мини Купер», – вдруг нарушил тишину Оливер. – Все равно стоит без дела.

– Что? – Возмутилась женщина, моментально осушив слезы. – Кому? Этому уголовнику – мою машину?

Силы взялись непонятно откуда. Она снова распрямила ссутулившуюся вдруг под натиском бремени спину и, готовая к ответным действиям, приняла стойку опытного боксера на ринге.

– Им двоим, пусть занимаются, – последовал спокойный ответ.

– Я не хочу, чтобы этот тип прикасался своими ручищами к моему малышу! – Ревниво надула губки владелица автомобиля.

– Мел, «Купер» хоть как-то скрасит разочарование Алексы, что Бала ей в этом году не светит, – ударил супруг по больному месту. – Не капризничай, он стоит в гараже уже уйму времени, техника не любит простой. К тому же, его еще нужно будет починить, ты же помнишь, он не на ходу.

Она помнила. «Купер» отказался завестись как раз в тот день, когда «Фонд» только начал разворачивать крылья, безмерно подставив ее перед важной встречей. Очень яркий и душевный, он два года служил их семье верой и правдой, а потом внезапно затих, словно вычурные аляповатые красные бока на фоне черной крыши перестали отвечать требованиям дресс-кода владельцев. И тогда, вместо того, чтобы сдать машину в ремонт, Оливер решил взять более лаконичную классическую «БМВ» седьмой серии, которую и использовал по сей день.

Странно, что о малыше не вспомнили раньше, когда Мелани поняла – в «БМВ» ее укачивает, но зато именно тогда возникло решение, что нужен более устойчивый и жесткий конь, вроде «Тойоты Ленд Крузер», на котором женщина ездила сейчас. Подержанный, он вышел их семье совсем недорого, а ухода практически не требовал, чем безмерно устраивал хрупкие женские руки, владевшие им. Уже значительно позже муж приобрел двухлетний «Мерседес», который успешно разбился при странных обстоятельствах прошлой весной, не отъездив и тысячи миль у нового владельца, и от него пришлось избавиться. Однако «Купер», забытый всеми, простаивал свое механическое время под брезентовым чехлом и морально устаревал каждый день.

Отдать краснобокого красавца в заgreбущие лапы узколобого деревенщины выглядело почти предательством! Уж лучше продать добрым людям, чем так подставить доброго металлического друга. «Купер» не проживет под его надзором и месяца!

Но в одном муж оказался прав: Алекса очень любила автомобили, как показали последние пара месяцев. Прозябая все свое свободное время в бетонном «дворце», девочка становилась более счастливой и улыбочивой, более живой. Даже приступы сократились до минимума. Спорить, что каменная дыра, воняющая нефтепродуктами, оказалась на пользу ее чувствительной женственной натуре, не было смысла.

Мелани пожалала плечами, скривив лицо в недовольной мимике, и неопределенно покачала кистью руки. Что это значило, она сама не знала, но Оливер, усмехнувшись, догадался раньше нее, как и всегда.

– Я понял: ты против такой замечательной идеи, но – берите, – проговорил он, прижав к себе великодушную женщину чуть крепче. – Рад, что ты пошла на уступки в этом вопросе, спасибо!

– Алекса и моя дочь тоже, – буркнула супруга и прикрыла веки.

День после Рождества выдался крайне тяжелым. Она уже неволью ждала начала рабочей недели, чтобы можно было сбежать из дома под официальным предлогом, потому что в поместье стало совсем безрадостно. Везде мельтешили тени неповиновения и неподдающиеся контролю обстоятельства, свинцовые мысли о болезни пролезали из щелей заколоченных ящиков с прошлым, всюду мелькала фигура этого не в меру выросшего водителя, словом, каждый вздох в доме проходил так, словно грудью при этом нужно было приподнимать бетонную плиту.

– Я устала, – совершенно искренне выдала Мелани.

– Тебе просто нужно сменить деятельность, – поддержал ее супруг. – Сейчас начнутся горячие деньки в «Фонде», ты забудешь и о спасении невинных душ, и о потерянных «Мини Куперах», все снова будет в норме. В диком аврале, как ты любишь.

Он улыбнулся. Невольно улыбнулась и она, радуясь, что рядом с ней есть человек, знающий ее лучше, чем сама хозяйка поместья. Кроме того, Оливер не просто знал ее, но принимал и любил со всеми мыслимыми и немыслимыми отклонениями.

Ах, боже мой, сколько всего они прошли рука об руку! Роднее человека и не придумать для нее, исключений быть не могло. Отпустив все невзгоды, Мелани растаяла в горячих

объятиях человека, которому, не задумываясь, ответила бы «да», предложи он выйти за него еще раз.

11

Крупный тренажерный зал в западной части города светил снаружи огромными желтыми окнами, разрезая вечернюю темноту. С улицы можно было разглядеть занимающихся в нем спортсменов разной степени подтянутости, батарею беговых дорожек и целое войско агрегатов из черного металла и пластика, напрягающих разные группы мышц этих самых спортсменов. Вечерами будних дней зал пользовался небывалым спросом, принимая в себя десятки пыхтящих тел, отчаянно желающих выглядеть красиво.

В пролете между тренажеров, за диванчиком для тренеров и попивающих протеиновые коктейли качков, как раз в стороне от стойки с «блинами» расположилась странная пара. Невысокая брюнетка, затянутая в розовые лосины, прыгала вокруг коротко стриженной жилистой женщины с явными латиноамериканскими корнями, словно маленький мячик, прикрывая тощими кулачками лицо от нападения.

– Удар! – Агрессивно рывкнула на коротышку тренер, придерживая кожаную накладку на уровне предплечья. – Еще удар, не жалей себя! Еще!

С воплем дикой кошки, Лиз врезала ногой по алой подушке, сдвинув женщину ударной волной. Та удовлетворенно ухмыльнулась и, оценив мокрую ошетилившуюся малышку, опустила снаряд.

– Умница, отдыхай, – похвалила ее наставница.

Лиз пошатнулась и обессиленная осела на тренировочный ковер, тоже довольно улыбаясь. Наконец-то, она нашла свой вид спорта, позволявший привести нервы в порядок за достаточно короткое занятие: всего час – и ты новый человек.

Гвен Рамирес забрала ее из полного зала активистов, пришедших попробовать силы на первое бесплатное занятие тай-бо. Четыре десятка людей разных возрастов и сословий – и Лиз в их числе – топтались на прорезиненном ковре цвета бильярдного сукна, словно на сюрреалистичной зеленой поляне. Она подошла к самой меланхоличной девушке, которая толком не понимала, как она рискнула начать освоение новых территорий без защиты с тыла, и бросила властным, не терпящим пререкания, тоном:

– Идем со мной, красавица, пока ты не заснула здесь.

Мужеподобная с короткой стрижкой из осветленных волос, подбритых на висках и затылке, и темными карими глазами, сильная и мускулистая, Гвен сразу очаровала щуплую девушку, прогнав в голове мысль, в последующем ставшую наваждением: «Вот какой я хочу быть!»

«Танцуйки» – так называла тай-бо уверенная в себе тренер – не прижились у Лиз, да и смысла не имели, потому как худеть ей было некуда, а вот подкачать мышцы и обрести рельеф, а заодно и мужество с непоколебимым жизненным стержнем, оказалось как раз кстати. И Гвен, деловито ощупав подростковые задатки ее мускулов, настояла на кикбоксинге, преподавая параллельно курс молодого бойца. Пара захватов и способов обороны зажгли в золотистых глазах Лиз азарт, как раз тот самый, которого ей не хватало по жизни. И теперь она с нетерпением ждала вторник и пятницу, чтобы встретиться со своим гуру, так играючи живущим в этом опасном угрюмом мире.

В то время как Мелани замкнулась в себе, готовая вскоре замкнуться на «Фонде», Лиз осваивала способы самообороны и контроля, словно мир вокруг был полон войны. По сути, так оно и было, даже ее маленький домишко не казался надежным оплотом любви и безопасности, а офис и вовсе стал минным полем. Так что боевой настрой Гвен пришелся, как нельзя кстати.

Что странно, после того, как Лиз встретила у ворот парка с «незнакомкой», звонившей тем сентябрьским вечером и оказавшейся супругой начальника, сны, так мучившие девушку последние полгода, заметно сократились, а с появлением в ее жизни Гвен и вовсе пропали.

Словно две женщины охраняли ее со всех сторон от кошмаров и дурных воспоминаний. Ни один из Кирби не отважился больше ее побеспокоить, будто их и не было в жизни девушки.

Зато были два мерзких бугая в офисе, вызывающих у Лиз неизменную защитную реакцию. И если толстый Джимми ее откровенно пугал, прищипливая язык к небу, то на долговязом шофере она могла отыграться за ненависть к ним обоим, ведь позы к игре, никому не понятной и не нужной, лились из нее теперь произвольно.

Первая рабочая неделя нового года не прибавила водителю шансов выжить в томной головомойке. Вялое спокойствие и пассивность рабочего графика, ни в какое сравнение не шедшие с декабрьским ажиотажем, дали ей возможность с новой силой донимать их «подопытного кролика».

– Выжать из конторы мы его не сможем, – сразу же сообщила Мелани в один из сентябрьских вечеров. – Оливер к нему слишком привязался. Но вот подпортить жизнь основательно, думаю, получится.

Взять цену повыше за ее страхи и промахи, которые начали преследовать девушку с приходом нового сотрудника, устраивало Лиз по всем параметрам. Она стала замечать, что противостояние с верзилой ее очень заряжает, хотя весовые категории изначально неравные. Бугай по первой смешно краснел и пыхтел, словно чайник на плите, чем доставлял ей непередаваемое удовольствие. Позже, правда, понадобились все ее сноровка и фантазия, чтобы вышибать его из зоны комфорта, потому как водитель стал реагировать излишне спокойно на ее выпады, словно бетонный блок соответствующих размеров. Но Лиз не сдавалась. Это уже был своего рода спортивный интерес «достать Кентмора», а спорт в последнее время очень вдохновлял на подвиги.

Кроме того, наполнившись относительным спокойствием и уравновешенностью благодаря своим старшим наставницам, Лиз смогла начать наблюдать за офисом. И она заметила, что крупный шофер мешает не только ей. И пусть толстый кудрявый менеджер вызывал в ней чувства едва ли не более сильные, чем объект ее допеканий, но идея использовать однажды одного против другого не давала ей покоя.

«Это грязная игра, – вдруг выдал ей внутренний голос, смутно похожий на тембр мистера Траста. – Ты проиграешь по обоим фронтам.»

– Вот еще! – Фыркнула Лиз, задвинув миротворца в дальний угол сознания.

Разговоры с самой собой настолько вошли в ее регулярную практику, что девушка всеерьез задумалась о заведении домашнего животного, любого, хоть крокодила!

– Да, мы с ним нашли бы общий язык! – Усмехнулась Лиз.

Послав все к черту, она оделась потеплее и отправилась на вечернюю прогулку в надежде, что та проветрит голову перед сном. Стандартный двухквартирный квадрат, частенько описываемый девушкой в минуты одиночества, структурировал мысли. Голова отдыхала, пока ноги вышагивали свои полторы мили пути, а глаза хотя бы немного привыкали к мирной нерабочей жизни.

Вот ее обогнал мальчишка на велосипеде, усиленно тренькая металлическим звоночком. Разноцветный жизнерадостный помпон на шапке сорванца вызывал невольную улыбку, а светоотражающие полосы на темных штанах сверкали в свете фонарей жидким серебром. Навстречу шла пожилая пара, глаза которых были наполнены таким теплом и уважением друг к другу, что Лиз невольно отвела взгляд. Девушке стало вдруг ужасно неловко, словно она подглядела некую часть их личной, почти интимной жизни, которой сама не имела.

Легкий ветер качал голые кусты и ветки деревьев, прогоняя дурные мысли вон. Скоро в Сан-Франциско придет весна, и природа снова оживет буйством красок. И сердце ее, возможно, тоже оттает вместе с жизнью вокруг, запоет в унисон музыке майских карнавалов, перекрывающих проезд улиц своими красочными шествиями.

Стайка школьниц пробежала рядом, мелькая сине-зеленым шлейфом плиссированных подолов юбок. В подростковые годы Лиз мечтала о такой форме, но в силу того, что все обучение проходило в доме миссис Кирби силами самой миссис Кирби, то и нарядов детям не положено было иметь. В чем работал в саду, в том и садись за стол. Девчушки щебетали на разные лады и заливались завидным хохотом беззаботной жизни, окуная мир в ярко-оранжевый блестящий звон.

Возле продуктового магазина, где Лиз частенько закупалась перед тем, как попасть домой, стояла компания мужчин и девушек. Они смеялись и пили пиво, облокотившись на старенький автомобиль, кое-где покрытый ржавчиной и сколами краски. Темноволосый молодой человек в джинсовой куртке с нашивками, показавшийся ей невесомо знакомым, с чувством обнимал девицу с диким начесом на голове и время от времени опрокидывал пивную банку себе в рот, довольный вечером и жизнью в целом.

Но вот он отвлекся на проходящую мимо Лиз, встретив ее гипнотизирующим взглядом выразительных голубых глаз, и, почему-то, убрав руку с плеча своей подруги, ухмыльнулся девушке зазывающе, словно ждал сегодня именно ее. Та вздрогнула, смутившись прямого внимания красавца, и поспешила прочь, пока здравый смысл, еще не опьяненный открывающимися перспективами, владел ее разумом.

Стая воробьев чирикала на кустах с трясущейся от их движения жидкой листвой, наполняя гомоном синеющую вечернюю мглу. Влажность воздуха чуть повысилась, утяжеляя вдох и добавляя прохлады, а ветер улегся совсем. Тихий воскресный вечер завершился последними ярдами до двери ее дома, закрывшейся за спиной хозяйки с едва различимым щелчком.

12

Они позвали ее на разговор аккурат в начале января, как раз перед тем, как исчезнуть каждый в своем рабочем графике. Сразу после того, как они с Дениэлом провели пару дней из той недели, что страна отдыхала после Рождества, в гараже, обмениваясь поздравлениями, благодарностями и улыбками. После того, как елка отправилась в коробку до следующего декабря, снова освободив угол для объемного кожаного пуфа под цвет диванного комплекса. После того, как Алекса, воодушевленная восхищением мужчины ее открыткой, принялась рисовать много и хорошо, радуясь успехам и умениям. Как раз после того, как у мамы закончилось время для семьи, и родительница принялась готовиться к обширному проекту по внедрению официальных праздников в детские учреждения штата.

Девочка зашла в «ледяную башню», готовая к любому трагическому заявлению, потому что семейный совет просто так не собирался, но не к тому, что ей выдали родители.

– Ты не сможешь поехать в марте в «Фонд», Алекса, – воткнул топор ей между лопаток отец, предварительно размахнувшись.

Дальше следовали какие-то слова, призванные уверить ее в правильности решения, но то были всего лишь слова. Они ничего не меняли и ничего не значили, поэтому Алекса не утружила себя слушать их, а вместо этого, пошатываясь, пыталась не потерять лицо.

– ...Мы с мамой много думали об этом, перебрали все возможные варианты и решения, разные комбинации...

Картинка немного поплыла от слез, но разум сохранялся силой воли. Она смутно помнила, просила ли что-то у родителей так же горячо, за последний год. Она смутно помнила, просила ли вообще что-либо у родителей с таким усердием и мольбой.

– ...Слишком громкое событие в городе, мы не можем позволить себе так подставить тебя под удар.

– Дорогая, даже усиление охраны не сможет гарантировать твою безопасность...

Ей даже не дали список заданий, который нужно выполнить для того, чтобы заслужить. Просто категорическое «нет», и никаких вариантов. Золушка бы послала все к черту с таким раскладом!

– ...Мы с папой желаем тебе только самого лучшего, правда!

Коронная фраза, покрывающая воткнутый в спину топор мелкими гавайскими цветочками, как мило. Как она доползла обратно до своей комнаты, Алекса помнила смутно. И сейчас, спустя неделю после шока, рана от топора не давала девочке покоя. Она то смертельно ныла, словно жить ей оставалось считанные часы, то нестерпимо зудела мстительностью, несогласием и даже вынашиванием плана сбежать из дома. Однако, как бы не шипели при этом первые две части ее разума, рана постепенно заживала мыслью о том, что решение родителей – единственный разумный итог ситуации. Бунтарка в отчаянии плакала, после чего гневно возмущалась, а после – вразумляла себя, что так будет правильно, и снова плакала, пока ее не вышибало в равнодушную пустоту на некоторое время, чтобы спустя пару дней начать цикл заново.

Это бы могло продолжаться довольно долго, потому что выхода из эмоционального колеса для хомяка Алекса не видела, если бы однажды не поговорила на эту тему с Дениэлом. Она пришла в неизменное место для свиданий и застала друга возле мотора рабочей машины.

– Привет! Ты не вылезает из гаража, неужели у нас машины так часто ломаются? – Невесело улыбнулась она.

– Здравствуй. Нет, это я их ломаю, – отозвался Дениэл. – Другой вопрос, почему из него не вылезает ты.

Жутко смутившись, Алекса пробурчала что-то невразумительное, потому что назвать истинную причину гаражных посещений она не отважилась бы ни при каких раскладах. Но Дениэл все понял по-своему. Он лишь покачал головой в знак согласия и пробасил мягко и тепло:

– Сложное время сейчас, да? Их почти не бывает дома.

– Я не попадаю на Бал в этом году! – Вдруг воскликнула обиженно Алекса, пытаюсь найти поддержку в лице своего большого друга.

– Я знаю, – спокойно согласился тот и почему-то лукаво ухмыльнулся.

– Вот как? А что ты еще знаешь? – Спросила Алекса.

Дениэл обошел «БМВ» и, открыв капот, прищурился, взглянув на потолок.

– Света мало. Нужно будет договориться с Луи, пошаманить тут, – посетовал он, но тут же вернулся к диалогу. – Знаю, что мистер Траст обзвонил с десяток охранных компаний, прежде чем понять, что затея нереальна. Знаю, что им будет на Балу без тебя чертовски сложно сосредоточиться, потому что душой они останутся дома рядом с тобой.

Ей вдруг стало безмерно стыдно. Конечно, она не думала, что родители после того, как обрубил ей крылья, полетели празднично пить амброзию в садах Эдема, но даже представить себе не могла всех сложностей каждого отдельно взятого дня их жизни на фоне домашнего бойкота, устроенного дочерью. Девушка кинула на водителя полный вины взгляд, но тот даже не поднял головы, скрывшись под капотом автомобиля.

– Папа переживал, да? – Осторожно спросила она.

Приподняв рукава черной спортивной куртки до локтя, водитель водрузил руки вглубь подкапотного пространства, мельком поглядывая на спутницу.

– Еле выжил, – кивнул он. – До сих пор расстраивается по этому поводу.

Вероятно, ей стоило поговорить с отцом на эту тему, обсудить и высказать все, что наболело, но теперь они с мамой полностью принадлежали «Фонду». Каждый вечер на служебной «БМВ» Дениэл возвращался один, высаживая шефа по дороге у зеркального здания серо-синего стекла на Мишен-стрит.

– Но у меня есть и хорошая новость, если у тебя не заняты выходные на ближайшие полгода, – выдал шофер, снова блеснув той самой лукавой искоркой в глазах, которая промелькнула ранее.

Теперь искра отразилась и от ее зрачков, ведь Дениэл предлагал ей видаться стабильно раз или два в неделю. Честно говоря, ей не нужны были даже подробности, за ним бы она ушла сейчас хоть на край земли. Особенно сейчас! Однако рамки приличия и звание леди не позволили ей броситься в омут с головой.

– Мы будем ломать машины? – Беспечно спросила девушка, усмехнувшись.

– Угадала, – кивнул собеседник. – Идем!

Он направился к дальней стене бетонного блока, где под темно-болотным брезентовым чехлом скрывалось нечто, по очертаниям напоминавшее автомобиль.

Деловито рассмотрев сверток со всех сторон, Дениэл нашел с одного бока крепкий шнур, стягивающий чехол под днищем, и после нехитрых махинаций освободил от защитного кокона небольшого жителя. «Мини Купер» блеснул красными боками в тусклом, едва достающем до недр гаража свете слабой лампочки и снова потерял все признаки жизни. Водитель отошел к выходу, где на стене висел щиток с ключами и документами. Теперь он оставался открытым на постоянной основе, похоже, рождественская дружба ослабила узлы контроля строгого начальника охраны. Он вынул необходимый комплект и, долго изучая, удивленно хмыкнул.

– Это машина твоей мамы, – сообщил мужчина подруге. – По крайней мере, документы оформлены на нее. Знаешь что-то по этому поводу?

Алекса обошла диковинного зверя со всех сторон, недоуменно покачав головой. Невысокий и компактный снаружи, он оказался достаточно вместительным внутри. Как раз, когда

девушка влезла в салон со стороны пассажира, к ней подоспел и шофер, позвякивая брелоком с ключами. Полуоборот в личинке зажигания результата не дал, машина была мертва.

– Собственно, другого я и не ожидал, – усмехнулся Дениэл. – Работы много, будем разбираться, менять аккумулятор, все жидкости и прокладки. Словом, ставить его на ход.

– Зачем маме «Купер»? – Удивилась девушка.

– Понятия не имею, я лишь исполнитель, – прозвучал ответ. – Ну, так что, ты в деле?

– Ты еще спрашиваешь! Конечно в деле! – Едва не задохнулась от восторга обладательница диплома с отличием физико-математического факультета.

– Тогда будь готова. Разработаем график, чтобы всем подходил, – взял на себя роль большого начальника приятель, но тут же шутливо добавил: – Подмастерье!

С этими словами он по-дружески потрепал девушку по плечу, но на этот раз Алекса не стала увиливать от его ладони, как однажды. Совсем не желая к себе приятельского отношения от понравившегося мужчины, она мягко перехватила грубую горячую руку своей кистью и, продержав ее чуть дольше, чем того требовала ситуация, отпустила восвояси, залившись пунцовой краской до самых корней волос.

13

В прохладе, которую Оливер устроил в кабинете, голова соображала гораздо лучше. Он вдохнул холодный воздух, лившийся из распахнутых окон в помещение, и снова погрузился в думы. Вскоре раздался тихий щелчок сигнализации, и дом изолировался от мира автоматическими замками. Поместье погрузилось в сон, затопившись тяжелой синей тишиной, оглушающей и звенящей. Мужчина не двигался. Он прикрыл покрасневшие с напряженными капиллярами веки и еще раз глубоко вздохнул.

Мир катился в тартарары, по-другому и не скажешь. В их жизни такое паршивое стечение обстоятельств складывалось впервые, и Оливер не знал, чем обязан судьбе за такие испытания. Все навалилось одновременно.

Главной и самой напряженной проблемой сейчас был судебный процесс, идущий между «Траст Инкорпорейтед» и «Лайонс Инк». Иск от фирмы пришел внезапно и на довольно крупную сумму, вышибив почву из-под колес его локомотива вместе с рельсами. Большая стройка заморозилась до результатов суда, десятки людей остались без работы и зарплаты, субподрядчики один за другим разорвали контракты с простаивающим бетонным зданием, но это никак не трогало претенциозных контрагентов, чувствующих себя обманутыми его корпорацией. На первом заседании «Львы» заявили, что опираются на документы, которые привез некий «крупный темноволосый парень». Он оставил внушительный пакет с оригинальной печатью конторы, лежащей всегда у Оливера в ящике, и подписью самого мистера Траста, и на месте подписал той же рукой несколько бумаг. Копии, которые прикладывались к делу, выявили довольно паршивую подделку его сигнатуры, но признать это на суде было еще худшим исходом, чем бороться до конца. Курьером в пред рождественское время был лишь один «крупный парень», но под описание мог подойти любой другой темноволосый мужчина, потому что его личный водитель никак не мог поступить так с корпорацией, да и с ним самим.

Отношения с «Лайонс Инк» с прошлой осени курировала Тамара Панова, вполне себе серьезная девушка, отрезавшая безапелляционно:

– Я не отправляла Дениэла к ним в декабре, за нами не было долгов по документам.

А значит, парня подставили. Ни один из менеджеров не взял на себя ответственность за инцидент, а сам Дениэл не вспомнил подробностей. За три декабрьских недели, он совершил около сотни поездок по вопросам отдела, получая порой по целой пачке файлов с адресами и документами. Но в любом случае он заявил не менее твердо, глядя на подпись:

– Я никогда ничего не подписываю на месте, просто отвожу. К тому же это не мой почерк, мистер Траст.

В корпорации завелась крыса. И это был второй по значимости вопрос, терзающий Оливера. Хотя, если думать, что результатом иска будет всего лишь крупная сумма денег, полученная или потерянная, плюс разлад с одним из самых крупных клиентов, то человек, вредивший корпорации, становился первым глобальным вопросом на срочное решение.

Они с Лиз даже составили анкету для всех сотрудников фирмы, завуалированную под какой-то опрос с никому не нужными результатами, чтобы сверить почерк и подпись, в надежде найти засранца. Однако ближе всего к подписи на липовом документе оказались светловолосая секретарь Элис Вейн и новенький щуплый белобрысый парнишка с четвертого этажа, который трясущимися руками заполнял листок под диктовку наставника.

Сам же Дениэл оказался вне подозрения на подделку подписи для исковых документов, но его гладко выведенное «Оливер Траст» получилось ближе всего к самому оригиналу. Водитель смело мог распродать всю контору с потрохами, а сам шеф бы потом долго сидел и чесал затылок, пытаясь вспомнить, когда он успел завизировать столько опасных бумаг. Шофер лишь пожал плечами на такой казус, как обычно в случае с его способностями.

– Красавчик лучше всех может подделывать документы? Хмм, интересненько... – Промурлыкала мисс Харви, томно потягиваясь перед водителем кошечкой.

Но шофер ее снова разочаровал. То ли его голова была занята чем-то сторонним, то ли Дениэл не интересовался лисой в принципе, но он по своему обыкновению увернулся от рук девушки и, покрывшись розовыми пятнами на щеках, ретировался в машину.

Третьей проблемой его седеющей головы стал Горан Полонски. Агрессивный серб принялся окучивать его женушку с утроенной силой, получив статус «платинового вкладчика» за прошлогодний взнос. Об этом сообщила ему Мелани, едва «Фонд» открыл свои двери на принятие посетителей после новогодних праздников. На первую встречу лысый крепыш приволок с собой двоих партнеров для отвода глаз, но позже, став якобы желанным посетителем, принялся наведываться незванным гостем единолично и с утомительной регулярностью. И теперь Оливеру приходилось каждый вечер, едва рабочий день в корпорации подходил к концу, отправляться в «обитель Робина Гуда», как называл здание «Фонда» владелец «АшБиСи Холдингс» с ехидной ухмылкой, чтобы охранять его владелицу от посягательств.

Эта битва двух самцов в свою очередь создавала, а если быть точным, усугубляла, проблему номер четыре. Он, в силу своей занятости с раннего утра до поздней ночи, никак не мог поговорить с Алексой, оставив убитую отказом попасть на Бал девочку в полном одиночестве. Кроткая, словно котенок, она лишь кивала родителям на их доводы, обливаясь беззвучными слезами, хотя перед этим подходила к каждому из них с десятков раз, надеясь уговорить их на позитивный исход. Сердце до сих пор было не на месте от боли, хотя прошел без малого месяц.

В ответ на его мысли, в дверь несмело постучали робким девичьим кулачком. Оливер взглянул мельком на часы, показывавшие, что время уже перевалило глубоко за полночь, и отправился открывать той, чье состояние волновало его сейчас, пожалуй, даже больше чертового иска от «Львиного прайда».

На пороге стояла босая Алекса в своей любимой черной пижаме. Ее карие глаза смотрели на него виновато, готовые расплакаться прямо сейчас, хватит лишь одной песчинки на обратную чашу весов.

– У меня здесь холодно, идем в твою комнату, – проговорил глава семьи и, отлучившись на секунду к окну, чтобы прикрыть створки, вышел из кабинета за дочерью.

Весь путь по темной лестнице девочка молчала, как и ее сопровождающий, словно самое главное уже было сделано, а слова могли оказаться лишними. Оливер уложил свою любимицу в кровать, а сам сел рядом, готовый к любому разговору под покровом тьмы. Черные блестящие зрачки дочери изучали его уставшее щетинистое лицо, мало различимое в ночной подсветке уличных фонарей.

– Мне очень жаль, что все навалилось одновременно, – прошептала дочь сочувствующе. – Как вы с мамой справляетесь?

– Дениэл рассказал, да? – Невесело усмехнулся отец.

Девочка кивнула и протянула руку к его сухой горячей кисти, стараясь поддержать родителя любым путем.

– Пап, если я могу чем-то помочь... – Начала она, но отец не дал закончить.

– Ты уже помогаешь, – твердо произнес он. – Тем, что принимаешь ситуацию, не сердишься, и все равно остаешься рядом на нашей стороне. Это уже очень много, поверь.

Это было слишком много для них с Мелани. Потому что рассудительность, принятие и холодный рассудок – это их работа как родителей. Его работа как главы семьи! Безмерно страдая сейчас в холодной темноте ночи, Оливер искренне жалел свою девочку, которой в свои пятнадцать лет приходилось быть самым разумным членом семьи.

– Ты меня научил этому, – улыбнулась дочь, подлив керосина в его огонь самобичевания, и притихла.

Часы на стене отсчитывали секунды, еле различимо тикая в звенящей тишине поместья. Казалось, что более близких и одиноких людей, чем затерявшиеся в ночи отец и дочь, не было во всей вселенной. Мирный момент, объединивший два страдающих сердца, баюкал теперь обоих, страшась нарушить идиллию малейшим шорохом. Жизнь замерла в эту минуту.

Наконец, чувствуя, что девочка засыпает, Оливер потянулся к ней и поцеловал в лоб.

– Добрых снов, дорогая, – произнес он очень тихо и, остановившись на секунду уже возле самого выхода, добавил: – Однажды ты попадешь на свой бал и будешь блистать на нем, обещаю.

Дверь за гостем закрылась, и мир провалился в тишину.

14

Приподняв ворот ярко-синего пальто, скрывавшего ее от пронизывающего мартовского ветра, Пенелопа миновала парковку у здания корпорации. Она потянула дверь на себя и, устав бороться со стихией, ступила внутрь здания, где было значительно теплее и спокойней, чем на улице.

– Доброе утро, мисс Фрост! – Улыбнулся ей темнокожий охранник.

– Доброе утро, мистер Бишоп, – вернула ему любезность девушка и поспешила в офис.

Сразу возле секретарской стойки ее встретила Элис, прикрывающая рукой трубку.

– Селеста снова потерялась, – прошептала она и протянула ей офисный телефон.

– Отдай ее Палермо, с меня сняли курирование этой девочки, – прошипела смуглянка, но секретарь уже всучила ей аппарат.

Девушка лишь закатила глаза. Она не представляла, зачем держалась в штате такая работница, не умеющая абсолютно ничего! Более того, первые два месяца испытательного срока по приказу начальства за нее отвечала Пенелопа, то еще развлечение.

– Аллю, – проговорила она в трубку утомленно.

– Пенни, милая, я снова заблудилась. Какая ж я глупая! – Плакала девушка навзрыд.

– Где ты и что видишь? – Начала привычные вопросы менеджер, расстегивая пальто.

Утро началось крайне неудачно. Вот уже и Джим на нее косится, что зависла на телефоне прямо с прихода, и Тамара ждет, чтобы поднять документы по «Львам», а она слушает излишние от нерадивой работницы.

– Сэл, стой! – Прервала ее истерику Пенелопа. – Поймай первое попавшееся такси, назови водителю адрес корпорации и езжай сюда. Все!

Тишина в трубке повисла надолго.

– Боже, как просто, – выдохнула девушка. – Как я сама не догадалась? Спасибо тебе!

Интересно, как Селеста ориентировалась в обычной жизни? Нет, конечно, ответ у нее имелся. «Нормально», – произнесла пухленькая малышка, когда наставница спросила у нее. То есть, девушка терялась именно по рабочим вопросам, как мило и удобно!

– Закончила болтовню? – Поинтересовался Джим.

Пенелопа лишь скривила лицо, но промолчала. Она вернула аппарат Элис, повесила пальто в шкаф и уселась на планерку к главному менеджеру. Он поедал ее жадным взглядом похотливого самца, но той не было дела. Если Джим не станет распускать руки – а он не станет, не осмелится! – девушку мало волновала его сексуальная неудовлетворенность. Постоянно облизывая губы и меняя позу на более выгодную, если таковая могла быть с его неопрятностью и габаритами, главный менеджер провел стандартную утреннюю процедуру отчетности в их отделе. Ничего нового они друг другу не рассказали, но традиции обычно правят миром, какими бы абсурдными они не были.

Собрав бумаги со стола начальника, Пенни направилась дальше по офису. Когда с Тамарой закрылся вопрос по документам с «Лайонс Инк», в офис ворвалась розовощекая Селеста. Девушка скинула куртку и уселась на рабочее место, словно нашкодивший котенок, прижавший уши, но к ней уже направлялся толстый кудрявый шеф, готовый отчитать работницу.

– Где ты была? – Рявкнул он.

– Отвозила документы в «Фриско Бридж Девелоп», – тихо проблеяла Сэлли.

– Отвезла?

– Да, – почти шепотом доложила подчиненная.

Джим вскинул толстую руку с часами к глазам и, злобно цыкнув, отстал от бедняги. Пенелопа лишь покачала головой. И дня не проходило, чтобы Палермо не напал на без того растерянную девочку, а та лишь подогревала его эго своим виноватым видом.

– Тебе нужно научиться давать ему отпор, Селеста, иначе он так и будет бесконечно тебя заирать! – Наставляла ее как-то Пенелопа в женской уборной, пока та приводила в порядок поплывшую от слез тушь. – Будь выше, отвечай ему более твердым голосом.

Сегодня, похоже, обошлось без слез. Но это скорее исключение, чем правило. Пенни глянула по офису в поисках свидетелей, но никому особо не было дела, что Сэл снова получает от начальства оплеуху. Никому, кроме одного человека.

За кадкой с фикусом на синем кожаном диване тихой бетонной глыбой сидел водитель мистера Траста. Он склонился над столиком с открытым журналом, но, судя по его заинтересованному взгляду, направленному в зал с менеджерами, не читал его, а наблюдал. Станный тип, и как шеф поддерживал с ним общение? Ее напарницы смело общались с бугаем, посаженным не иначе как следить за порядком, но у Пенелопы не хватало духу заговорить с ним. Все просьбы по их отделу, если таковые имелись, они отдавали Тамаре, которая сразу же с легкостью нашла с ним общий язык. Видимо, у нее на родине подобные лица разгуливали в обнимку с белыми медведями по улицам, и рыжая сотрудница уже не удивлялась им. Мисс Фрост передернула плечиками от холодного взгляда строгих болотных глаз. Вот уж кому на пути никогда бы не хотелось встать!

Мобильный, лежащий на столе, сообщил вибрацией о новом письме.

«Позволит ли прекрасная принцесса выкрасть ее из дворца на сегодняшний вечер?»

Пенелопа улыбнулась увлекательной игре, но сейчас ей было совсем не до этого. Да и молодой человек, положивший на нее глаз, пугал ее не меньше водителя начальника. Подкачанный и жилистый, коротко стриженный, с сильной шеей и строгим взглядом, он вызывал в ней очень разрозненные чувства. К тому же, познакомились они с Честером на улице, слышась что – у них даже общих друзей нет, чтобы найти концы.

«Принцесса сегодня занята, попробуйте навестить ее позже», – ответила она и отложила телефон. Не хватало еще, чтобы Палермо сорвал на ней сдержанное утром недовольство.

Когда рабочий день стал близиться к завершению, мисс Фрост вспомнила о своем отшито-м кавалере, и отнюдь не из-за позитивных событий. Девушка собиралась выйти из здания конторы, когда начальник отдела догнал ее и двинулся рядом.

– Куда ты идешь? – Спросил Джимми.

– Домой, – ответила она на глупый вопрос.

Пенелопа меньше всего хотела бы такое сопровождение. Она оттеснилась от мужчины вбок, увеличив между ними расстояние, он тот не отставал.

– Давай, я тебя провожу, – напирал он.

– Мне недалеко, Джим, не напрягайся, – отказалась девушка и, увидев недобрый огонек в черных глазах, поспешила добавить: – Спасибо!

– У тебя есть парень?

Тактичности и обходительности этому толстяку явно не хватало. С таким подходом к противоположному полу можно остаться в одиночестве навечно. Впрочем, за все время работы в корпорации, она никогда и не видела Джима в компании девушки, помимо сотрудниц. Но с ними ни о каких отношениях и речи быть не могло, слишком уж непочтительный он в делах.

Она хотела уже ответить отрицательно, потому что Пенелопа не любила обманывать, но тут увидела его, стоявшего возле отполированного темно-синего автомобиля на выезде из внутреннего двора фирмы. Улыбка озарила лицо девушки, потому что крепкие руки мужчины сжимали огромный букет алых роз.

– Теперь есть, – бросила она толстяку и направилась к своему ухажеру.

Она осторожно приблизилась к молодому человеку в черной кожаной куртке и темных очках, хотя погода была далеко не солнечная, и застенчиво улыбнулась.

– Здравствуй, принцесса, – тихо поздоровался он и прикоснулся к ее ладони. – Прости, я не послушался. Но и ты не дала точных сроков. Прошло уже три часа с момента твоего сообщения, больше ждать я не смог.

– Я рада тебя видеть, – улыбнулась Пенни.

Она вдруг почувствовала себя рядом с ним очень защищено, словно за их спиной и не стоял громоздкой кучей главный менеджер, раскрыв рот.

– Это кто? – Уточнил Честер, кивнув на безмолвного зрителя их теплых чувств.

Он хрустнул шейными позвонками, уложив голову на бок, и приподнял бровь, глянув сквозь темные стекла на излишне любопытного нарушителя их идиллии.

– Сослуживец, – коротко сообщила она и бросила главному менеджеру кость: – Пока, Джим! До завтра.

Тот звучно захлопнул рот и поплелся вдоль дороги к трамвайным путям.

– Если ты действительно сегодня занята, могу отвезти тебя, куда скажешь, – снова смягчился он. – Но если ты позволишь мне украсть тебя у мира, я найду, чем занять наш вечер. Что скажешь?

Пенелопа, немного напуганная натиском, приблизилась к нему вплотную и очень осторожно сняла с его лица темные очки. На нее восхищенно смотрели теплые карие глаза, излучающие добро и преданность. Девушка улыбнулась, чем вызвала на его лице ответную улыбку, стирающую всю строгость с физиономии мужчины.

– Позволю, – склонила она голову. – Только к полуночи меня нужно будет вернуть во дворец, завтра снова на работу.

– Как решит принцесса. Я был готов просто вручить тебе букет и довести до нужного места, а тут целый вечер!

Он протянул ей розы и нежно поцеловал в уголок губ.

15

Поправив шлейф длинного платья цвета ночного неба, она передернула плечиками, уравновесив на спине глубокий вырез с драпировкой-качелью. Удостоверившись, что все безупречно, Мелани вышла за дверь приемной, оставив Синтию собирать инструмент в одиночестве, потому что время поджимало. На пару с Тимоти Гудвином они неплохо подлатали ее перед Балом, потому что, несмотря на абсолютно дикие по своей сложности три последних месяца, она должна сегодня сиять. Хоть сияние, насколько знала хозяйка «Фонда», исходит не из косметики, а из сердца, это не означало, что она пренебрежет внешностью.

– Ты прекрасно выглядишь! – Пробасил ей на ухо ожидавший снаружи супруг, ходивший теперь за ней по пятам, словно телохранитель.

Послав ему воздушный поцелуй, чтобы не смазать помаду поцелуем обычным, женщина взяла сопровождающего под руку, и чета спустилась по огромным каменным ступеням в большой зал с темно-синими портьерами, ежегодно встречавший уйму щедрых гостей в своих стенах.

– Хорошо, что Алексы сегодня нет в этом дурдоме, – прошептала Мелани, окинув начинающее заполняться людьми помещение.

– Согласен, – кивнул муж, отправив серьезный взгляд на сербскую команду, вальяжно занявшую центральный столик. – Хоть сама Алекса и другого мнения.

Как только Мелани озвучила цель финансирования в этом году, список приглашенных на Весенний Бал вырос втрое, и отнюдь не за счет тех, кто мечтал отдать свои кровные денежки под намерения благотворительной организации, нет. На легкомысленное стремление хозяйки «Фонда» организовать в детских домах праздники слетелись стервятники, падальщики, аллигаторы, гиены и прочие представители фауны самых скандальных изданий штата. Всем не терпелось посмотреть, как женщине удастся внедрить излишества туда, где порой не хватает элементарно необходимого.

Однако Мелани твердо придерживалась выбранной тематики. Она четырежды переписывала речь и читала ее самым приближенным людям, чтобы понять эмоции слушателей. Но если бы не Оливер, слушавший все четыре редакции ни по одному разу, то не видать ей сегодня уверенности в себе, как и собранных средств, сумма которых приятно удивит по окончании процесса их обоих.

Подготовка к Балу была настолько напряженной в этом году, что женщина невольно подумывала о том, чтобы свернуть всю лавочку к чертям собачьим. Люди, мысли, средства, нервы, планы – ничего не складывалось так, как хотелось. Буквально каждый шаг в сторону мероприятия ломал ноги в трех местах, показывая всеми своими явлениями, что нужно осесть на тихом больничном и зализывать раны, а не ломиться сквозь бетонную стену головой вперед.

Но не на ту нарвались! Мелани Траст не сдастся под гнетом сложностей!

И вот этот день настал, прекрасный и чудовищный. Отмытый зал сверкал диодными лампочками с черного зеркального потолка, а на столах искрились хрустальные стаканы, бокалы и графины под напитки. Да и сама зачинщица провокационного мероприятия сверкала и искрилась, не забывая, ради чего она старается.

Ей бы очень хотелось, чтобы Лиз была сегодня здесь и увидела воочию ее триумф. И пусть подруга находилась на постоянной телефонной связи с ней, следила за событием по телевизору и вообще всячески поддерживала, но Мелани этого было мало. Она хотела фурора, восторга, светящихся глаз! И изумления девушки, когда та услышит сумму, собранную за вечер.

Вздыхнув, хозяйка «Фонда» принялась походкой пантеры обходить территорию, проверяя готовность столиков к началу. Впервые в ее сердце не было вкрадчивости и заискивания, лишь сухая цель и готовность получить свое сполна. Тем жестче было ее разочарование в себе

во время вопросов. Тем сокрушительней был моральный провал по всем фронтам, отчаяние и слезы на сцене под взглядом шести сотен людей и пары десятков видеокамер.

– Да, возможно это глупо, вы правы, – дрогнувшим голосом призналась она. – Но это часть истории нашей страны, наших традиций. Безмерно больно, когда дети, вышедшие из бездушного интерната, вырастая, не имеют в своем доме даже елки, потому что это было не принято в их детстве. Люди, вышедшие из подобных заведений, не знают праздника. Они не умеют радоваться, полноценно быть частью социума, системы, страны. Извините, всем спасибо.

Разбитая, она спустилась со сцены и вышла в ближайшие портьеры в оглушающей тишине зала.

Едва за женщиной закрылась синяя ткань, гул в зале начал нарастать. Оливер, неизменно сидящий за самым близким к сцене столиком, проглотил ком сочувствия в горле и поднялся на сцену, готовый продолжать, но никто не обратил внимания, что сцена уже не была пустой, поэтому он, откашлявшись, призвал зал к тишине.

– Спасибо! – Кивнул он, когда тишина восстановилась. – Итак, продолжим. Повторите, пожалуйста, последний вопрос. И представьтесь.

– Меттью Флеймен, мистер Траст, Ваш любимчик, – отозвался толстяк за дальним столиком, крикнув от радости, что можно продолжить истязание. – Куда сбегала Ваша супруга?

– Добрый вечер, дорогой мистер Флеймен, – улыбнулся ответчик. – Вероятно, миссис Траст отправилась скорее составлять смету по распределению баснословной суммы, которую мы соберем сегодня вечером.

Зал расслабленно усмехнулся, радуясь надежным рукам, сжимавшим микрофон. Основных акул Мелани отбила, оставались лишь, как назвал себя язвительный корреспондент «Дейли Ньюс», «любимчики». Что ж, этих он знал в лицо, а посему, справится.

Веселье продолжалось еще целый час, пока публика не выдохлась. Свора репортеров не сильно отличалась от нападающих «Львов» на судебном процессе, поэтому натренированный директор корпорации выстоял натиск скептиков без особых проблем. Наконец, когда вопросы иссякли, мужчина смог отлучиться ненадолго из зала, чтобы навестить свою даму сердца.

Владелица «Фонда» скрылась в темной приемной, что оказалось вполне предсказуемым. В полутьме помещения ее струящееся платье искрилось серебряными всполохами, отчего женщина обретала нереальное, почти волшебное сияние вокруг себя.

– Я все испортила, – всхлипнула супруга. – Самое время закрывать «Фонд».

– Самое время умыться и спуститься вниз для интервью, – не согласился супруг, мягко обняв беглянку, убивающуюся горем возле окна. – Даже хорошо, что ты сегодня позволила себе немного эмоций, Мелани. А то уж слишком сухо было: едите индейку на День Благодарения – отдайте деньги.

Женщина зыркнула зареванным взглядом на мужа, который улыбался в вечерней сумеречной мгле. Смысла не было спорить, Оливер слишком тонко уловил ее настрой, чтобы сейчас отрицать свой надменный цинизм на сцене.

Вздыхнув еще раз тяжело и горько, Мелани вынужденно признала свое поражение. Она зажгла свет в приемной и повернулась к зеркалу, которое отразило черно-бежевое месиво вместо тонко наложенного макияжа, вызвав в женщине возглас ужаса.

– Я не пойду в таком виде, Оливер! Синтия уже уехала?

– Да, но она и не потребует, – уверенно сообщил супруг. – Тебе не нужен идеальный макияж. Сейчас тебе нужно показать, что ты обычная женщина, со своими переживаниями и трагедиями. Просто будь собой. Они ждут.

С этими словами муж оставил ее одну. Она не представляла, как теперь снова выходить на сцену. Краем мозга она пыталась зацепиться за воспоминания в ее жизни, которые слишком сильно походили на сегодняшний провал, но те ускользали сквозь пальцы струями сухого

рассыпчатого песка воспоминаний. Это уже было с ней, Мелани могла поклясться, она стояла под надзором множества глаз и не могла говорить...

– Нет, бесполезно, – выдохнула она, измучавшись.

Наспех убрав с лица темные разводы, женщина покинула надежную гавань, чтобы разбиться о скалы в бушующем океане вопросов и осуждений.

16

На удивление теплый мартовский вечер обнимал их своими голубоватыми сумеречными крыльями, нежно баюкая тихой музыкой, лившейся из открытой двери служебной «БМВ». Получив внеплановый выходной в этот четверг, шофер решил полностью посвятить его делу, а именно – восстановлению жизни в небольшом недавно вверенном ему краснобоком автомобиле. Естественно, действо не обошлось без его маленькой помощницы, смиренно сидевшей рядом, пока мужчина докапывался до истины под капотом нового подопечного.

Их общение тянулось мило и гармонично, будто для обоих уже стало обыденным сидеть вот так в гараже долгими вечерами. Алекса на удивление открыто общалась с ним на любые темы, что не могло не поразить водителя, ведь разница в их возрасте ставила друзей в разные сословные группы. Впрочем, не только она. Дениэл вообще очень сильно отличался от богатого убранства поместья, гениальных патентов и многочисленных дипломов о высшем образовании. Да и девчонка меньше всего напоминала бородатого работника автослесарной мастерской, и это не мешало им жить в моменты встреч в унисон, на одной волне.

День, который изначально должен был разбить сердце этой крохе, прошел вполне сносно. К вечеру Алекса принесла чай с печеньем, а Дениэл установил новый аккумулятор на «Купер», который хоть и не спас давно умершего малыша, но дал импульсы жизни на его узлы. Ощупав индикатором некоторые из них, водитель составил список потенциально безжизненных частей, чтобы заказать новые, и на этом осмотр закончил.

Друзья завалились на легкие раскладные стулья, которые Дениэл позаимствовал у Луи в домике охраны, и, слушая душевный джаз по радио, пили теплый травяной чай с оттенком розы и ванили, глядя в звездное небо.

– У мамы началась речь, – сообщила Алекса, взглянув на часы.

– Переживаешь, что ты не там? – Спросил собеседник.

Что касалось переживаний самого Дениэла, то больше всего его терзала сейчас ситуация в корпорации. Кто-то прикинулся им и навлек такие сложности на родную контору, что шофер невольно вздрагивал от презрения к этому человеку. На что надеялся предатель, уж не на то ли, что начальник выгонит непутевого шофера, не понятно. Так что мирные посиделки с девчонкой за кружкой странного напитка как нельзя кстати успокаивали его ум, расслабляли и позволяли отвлечься.

– Не сильно, честно говоря, – протянула она, сморщив нос. – Я смирилась с тем, что Бала мне не видать. Хоть это и далось непросто.

– Ты можешь посмотреть трансляцию по телевизору, – подсказал Дениэл.

– Не то, – хмыкнула девушка и затихла.

В палисаднике надрывалась какая-то голосистая скрипучая птаха, которой, очевидно, было наплевать на синий сумрак позднего вечера. Подсветка в глубине закрытого тугим пластиком бассейна окрашивала воду золотистыми переливами, контрастировавшими с бирюзовой чашей, а из гаража лилась теплая мелодия, согревающая сердце получше чая и пледа. Они сидели рядом на стульях со спинками, уставившись в темноту сада, который лишь кое-где просвечивал желтыми фонарями, словно в кинотеатре на сеансе фильма про поместье. Молчание наполняло и совсем не напрягало слух, а затертый до дыр вид, простирающийся от поднятых ворот гаража, притягивал все их внимание, словно ничего интересней в жизни не было.

Вдруг, шурша перепончатыми крыльями в ночи, начали мелькать черные тени летучих мышей, питающихся редкими для конца марта насекомыми. Их тонкий писк ультразвука прорубал слух какими-то оглушительными и одновременно едва уловимыми волнами, словно бил не в ухо, а сразу в душу. Звезды опустились еще ниже, как будто в паре ярдов над крышей поместья им было тяжело и сложно висеть на чернильном небосводе. Теперь они повисли вплот-

ную к крыше, зацепившись сонными лапками за острие «башни» и натянув тугое сферическое полотно без единого облачка.

Весна началась очень резко, практически в один день. Вдруг стало тепло, прекратились дожди и туманы, и природа полноправно объявила себя начинающей новый жизненный цикл. Она принялась обновлять листья и побеги, колоситься, обещая буквально завтра выдать и бутоны ранних цветов, если ей только позволят править бал.

– Так тихо, – почти прошептал Дениэл, прислушиваясь.

Птаха замолкла, для сверчков время еще не пришло, а ветер не смел шевелить ни единой травинки, штилем улегшись на газон и пластмассовую гладь бассейна. Тем звонче показался щелчок, открывающий замок ворот на въезде. После него стал приближаться едва различимый слухом в начале и очень отчетливый почти возле самой зеркальной стены мотор маминного «Ленд Крузера». Хлопнули двери, и приближающийся автомобиль осветил фарами два стула с наблюдателями, перегораживающими въезд в гараж. Дениэл помог девушке подняться и одним махом отставил оба сидения с проезда, однако машина не спешила на стоянку. Вместо этого окно водителя отъехало вниз, выпустив пушистую белую шевелюру.

– Доброго времени суток Вам, юная леди, – проговорил Альфред лукаво, и только после этого, тепло пожав руку второму шоферу, проехал в недра бетонного отсека.

Алекса немного смутилась такому приветствию, но позже, когда мистер Беррингтон вышел из помещения под звезды над головой, нашла старичка веселым и любознательным. Он расспрашивал Дениэла о его делах и поступках, удивительно точно задавая нужные вопросы, чем невольно притягивал в разговор и гостью гаража. Она едва не забыла, что приезд седого водителя ознаменовывал возвращение родителей, заслушавшись речью соратников.

– Я, пожалуй, пойду, а то меня потеряют, – будто извиняясь, сообщила девушка. – Добрых снов! И спасибо тебе за вечер, Дениэл.

– Спокойной ночи! – Отозвался молодой человек. – В выходные все в силе.

Окрыленная и улыбчивая, Алекса направилась к зеркальной стене поместья, оставив водителей наблюдать ночь.

– Ей скучно, – протянул Дениэл, глядя вслед удаляющейся девушке.

– Скучно? – Усмехнулся Альфред. – Разъясни-ка.

Молодой человек окинул задумчивым взглядом пожилого наставника и, заметив искорку интереса в его светлых выцветших глазах, вздохнул и принялся перечислять причины, казавшиеся ему вескими.

– Не знаю, почему, но у нее совсем нет друзей, – начал он. – Девчонка хотела на Бал и не попала. Плюс родители всегда заняты... Видимо, ей иногда некуда себя деть, поэтому она и тянется к машинам, к общению.

– Она здесь была совсем не поэтому, сынок, – проскрипел Альфред, тепло взглянув на собеседника. – Совсем не поэтому.

Молодой человек так и не понял, что хотел сказать мистер Беррингтон. Рассеянно пожав широкими плечами, упакованными в серую спортивную куртку, он отлучился в дом охраны, чтобы вернуть усатому сторожу стулья, и, готовый идти в дом, жестом позвал следом своего доброго приятеля. Возле дверей комнат, расположенных точно друг напротив друга, водители попрощались, готовые завершить этот странный бесконечно долгий день по своим местам уединения.

17

Заботливые руки скользили по ее лицу, массируя напрягшиеся мускулы и разглаживая мимические складочки. Маслянистое средство питало каждую клеточку ее кожи, между тем как сама Мелани лежала, погруженная в думы. Обычно в кабинете Тимоти Гудвина она спала, но не в этот раз. Сейчас она вынашивала план побега из постыдного «Фонда», хоть мероприятие и не провалилось с треском, благодаря стараниям супруга.

– Я думаю поехать в следующем году на выставку в Париже, о которой ты говорил, – произнесла она, не открывая глаз, чисто и звонко, отчего мистер Гудвин едва не уронил со стола мисочку с питательной смесью, вздрогнув.

– Я думал, ты спишь! – Пожурил он ее, но тут же смягчился и продолжил массаж, параллельно беседуя с клиенткой: – У тебя же Бал в это время.

– К черту Бал! – Вспылила Мелани и осеклась.

Легкая отеческая усмешка слетела с уст косметолога, но комментариев не последовало. Полежав молча несколько минут, женщина не выдержала тишины и начала разговор сама:

– Я хочу поехать со своими изделиями. В Нью-Йорке были очень ординарные эскизы, я могу лучше. Думаю, Парижский размах будет как раз для меня.

Она вещала, словно с трибуны. Звонкие ноты последних слов уже улеглись в светло-сером пространстве кабинета, но собеседник молчал, словно его это все не касалось. Лишь мерно позвякивала мисочка, из которой Тимоти время от времени брал слегка теплую смесь, которую наносил на ее лицо. Ей безмерно хотелось обратной связи от ставшего почти родным пожилого мужчины, но тот не проронил ни звука, пока не закончил массаж. Наконец, находясь уже у раковины, где мастер принялся отмывать руки и инструмент от остатков средства, он соизволил подать голос.

– Для кого ты хочешь выставяться, Мелани?

– Для Парижских компаний, очевидно, – удивилась она.

– В Америке проходит масса подобных выставок ежегодно, почему именно Парижская? – Напирал Тимоти, пытаясь подтолкнуть женщину к очевидному.

– Потому что ты сказал о ней, и мне понравилась идея, – ловко отбивала подачи та.

– Я сказал тебе о ней, как о примере. Сам я был там лишь единожды и больше не собираюсь во Францию.

Мистер Гудвин вздохнул и снова уселся на стул возле клиентки. Мягкой губкой он принялся снимать остатки средства с ее лица, заботливо и нежно, словно омывал родную дочь.

– Чем тебе не нравится Париж? – Удивилась Мелани и открыла глаза, уставшая лежать без визуальных картинок.

– Мне нравится Париж. Но создается ощущение, что ты пытаешься скрыться от «Фонда».

– Ничего подобного! – Вспыхнула женщина.

Она собралась уже вскочить с кушетки, гневно взмахнув полами приспущенного с плеч шерстяного платья цвета индиго, но ловкий мастер вовремя ухватил ее обеими ладонями за подбородок, вернув назад.

– Я еще не закончил, – мягко обосновал он свой вольный жест, после чего продолжил добрые поучения клиентки. – Ты можешь сделать прекрасную коллекцию, ни сколько в тебе не сомневаюсь. И поехать в Париж ты тоже можешь, хоть с семьей, хоть без нее. И оставить «Фонд» тоже в твоих силах, все, как ты решишь. Главное, чтобы ты понимала, связаны эти вещи или нет.

Насупившись, словно нашкодивший котенок, женщина не произнесла больше ни слова до самого прощания. Она знала, что ровно через три недели снова попадет в кресло косметолога, но сегодня спешила убраться отсюда поскорее.

– Береги себя, дорогая, – попрощался с ней мастер, душевно обняв на прощание, и дверь за ним закрылась.

Оливера блестящая идея тоже не очень порадовала. Он сидел в прохладе «башни», подперев обеими руками подбородок и нахмурил брови в ответ на лившийся из уст супруги восторженный поток информации. Мелани поежилась от холода его обычно теплого взгляда, который теперь обдавал альпийской свежестью посильнее, чем вечерний воздух, проникающий в помещение через окно. Льдистые оттенки стен и одежды хозяина кабинета уже не казались ей такими уж холодными, в их сиянии вполне себе можно было согреться после морозной баталии. Когда, спустя несколько минут, супруг откинулся на массивную спинку бурого кресла, его глаза ужесточились еще больше, собрав картинку воедино. Этому мужчине не пришлось даже задавать вопросов, он и так видел насквозь ее черепную коробку, словно та была прозрачной.

– А как же «Фонд»? – Выдал он заезженный вопрос.

«К черту «Фонд», – подумала Мелани, повторяясь в своих вольных эмоциях, но вслух не стала этого произносить, потому что Оливер был таким же отцом ее детища, как и она – матерью.

Ничего не оставалось, кроме как пожать плечами.

– Девять лет назад ты сказала, что никогда больше не поедешь во Францию, а тем более, в Париж, – выдал он следом, стегая бедную женщину каждым словом, словно плеткой с металлическими наконечниками.

Мелани действительно клялась и божилась не совать нос в город влюбленных, сузившийся для них в последнюю совместную поездку до номера класса люкс и старинного черного телефона на кофейном столике. После чудовищной недели поисков и неизвестности, после того, как их мирная семейная жизнь разрушилась там и выстроилась вновь, она собиралась туда опять. На фоне этого ее решение оказалось весьма смелым. И странным.

Холод взгляда супруга, убивающий своей колкостью, бьющий из-под густых бровей тяжелым психологическим ломом, сковал содержимое рта цепями. Мелани едва сдерживала дикий, какой-то животный ужас в компании того, который еще минуту назад был самым родным и близким. Все ее естество затряслось мелкой дрожью, испугавшись силы, шедшей от супруга в этот момент.

– Это было так давно, – проблеяла она, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

– Скажи еще, что твоя память не выдала никаких воспоминаний при слове «Париж», – ядовито усмехнулся Оливер, наградив ее очередной порцией льда.

Мелани показалось, что его взгляд наполнился презрением и ненавистью к ней. Еще бы, она себя и не оправдывала, ведь это ее вина в том, что самый романтичный город мира ассоциировался теперь в их семье со смертельной опасностью. Вдруг ей стало безумно неудобно в его компании, словно оборвалась связь. Хозяйка «Ювелирного дома» обнесла себя бетонной стеной спокойствия, спрятав страх в глубинах подсознания. Каменный колодец, отделявший теперь сердца супругов друг от друга, тут же покрылся белесым инеем непонимания в местах, где раньше теплой рекой бежала любовь.

– Ты мог быть и более почтительным с женой, Оливер, – вдруг выдала она надменно, расправив плечи и вздернув нос на полдюйма. – Или в нашей семье теперь принято так разговаривать?

– Как? – Опешил супруг, округлив глаза.

И тут все закончилось, словно лед был лишь в ее воображении. Теплый удивленный взгляд мужа оценивал ее со всех сторон, настолько искренне не понимая происходящего, что гордая поза собеседницы начала выглядеть глупой и неуместной.

– Мне показалось, ты меня винишь в том, что Париж вообще существует! – Надула губки женщина и, получив добрую усмешку в свой адрес, покосилась на обмякшего мужа.

– Похоже, это ты себя винишь за Париж. Я – нет.

На том, собственно, разговор и закончился. И вроде бы Оливер, всегда доверявший ее решениям, предоставил карт-бланш и тут, но мимолетная картинка озлобленного ледяного монстра теперь навсегда поселилась в ее памяти за бетонной стеной, возведенной в тот вечер вокруг ее сердца.

Однако ни одно из переживаний не приближало Мелани к идее, что же все-таки взять в Париж. Эскизов украшений, пылящихся по шкафам и ящикам «Ювелирного Дома», хватит на десяток выставок, а набросков, забивающих шкаф в кабинете поместья, еще на два десятка, но все это казалось прожитым этапом, не вдохновляло, словно уже однажды перегорело и оставило за собой серую дорожку пепла. Хотелось свежести, нового потока, легкости дыхания, песни весны!

И помог ей с идеей Оливер, как и всегда, преподнесший ей на день рождения диковинный букет с редкими цветами. Она долго оценивала крокусы и первоцветы, перемешанные с тюльпанами и пионами, которым сейчас было совсем не время цвести, и те самые легкость и песня весны вдруг тронули ее каменное сердце. Именинница восторженно вскрикнула, словно дикая амазонка, одержавшая победу над давним врагом.

– Каждый год я дарю тебе букеты на день рождения, Мелани, что не так с этим? – Удивился супруг, но она его уже не слушала.

Минуту спустя она уже неслась в кабинет, гордо размахивая пучком цветов, окрыленная внезапно пришедшей идеей. Оливер лишь пожал плечами на ее причуды и, перекинувшись взглядами с дочерью, уселся за праздничный стол.

– Похоже, сегодня мы отмечаем день рождения без именинницы, – усмехнулся он родным карим глазам.

И оказался недалек от истины. Добежав до кабинета, Мелани вывалила с десятков наборов красок на рабочий стол и принялась шуршать карандашом о бумагу. Вскоре из-под ее рук начали разлетаться листы с акварельными цветами из золота и платины, усыпанными многочисленными драгоценными камнями. Теперь у нее есть в запасе одиннадцать месяцев на произведения искусства, каждый из которых будет шедевром.

И никакой Дениэл Кентмор ей не помешает!

18

Она плотнее вжалась в глянцевую кафельную стену сортира корпорации, боясь даже сделать вдох. Срастись с туалетом или прикинуться унитазом возможности не было, а ноги ее, выглядывающие из-под двери кабинки, были видны от самого коридора через вечно открытую дверь, однако Лиз не теряла надежды остаться незамеченной.

Тем временем баталия в соседнем помещении с картонными стенами продолжалась.

– Джим, ты придурок! – Пискнул худой Винни Джекил. – Ты сказал, проблемы будут только у парня! А теперь весь отдел разгребает дерьмо.

– Я понятия не имел, чем все закончится, понятно? – Рывкнул Палермо на одного из дружков. – И вообще, лучше заткнись и не разговаривай здесь об этом.

– Я тоже выхожу из игры, – пробасил неопрятный Райан Пристли. – Слишком грязная она получилась.

– Вот как? – Прошипел гневно начальник отдела. – Это ты подглядел пароль от базы рыжухи, если вдруг забыл! Скажешь, что не причем?

Голоса постепенно стихали, а Лиз все так же мечтала стать ненадолго сливным бачком. Сердце стучало где-то в районе горла, оглушая мозг и утяжеляя дыхание, а конечности вдруг стали обжигающе ледяными, словно вся жизнь покинула девушку от охватившего ужаса быть замеченной. Вообще, Лиз никогда не пыталась подслушивать чужие разговоры, а тут и вовсе предпочла бы оглохнуть на пару минут, потому что заметить толстяк ее ноги в изящных лодочках в недрах женского туалета, страшно было представить, что могло бы случиться, лишь бы тайна умерла в белоснежных стенах уборной. Но информация попала в ее уши и мозг, где уже обработалась преданным корпорации разумом и принялась как особенно важная.

– Меня это не касается, – едва слышно прошептала девушка бледными губами. – Пусть верзилы сами разбираются...

Однако изнутри она знала, что ее как личного помощника директора это очень даже касалось, более того, касалось всех, кто работал сейчас над исковым вопросом. Голоса удалились к двери общего офиса и смешались с общим гулом улья, но Лиз так и не нашла в себе сил пошевелиться, она словно выросла в кафель.

– Ты куда пропала? – Беспokoйно спросила Элис, едва лиса вернулась к стойке ресепшн, белая, словно лист офисной бумаги. – Тебя искал мистер Траст, у них там утренняя планерка с менеджерами.

Вот где она меньше всего хотела бы оказаться, так это в стеклянном кабинете шефа в команде толстого Палермо, рассуждения которого о стратегии переговоров с «Лайонс Инк» теперь казались лицемерным кощунством. Но выбора не было, идти все равно придется. Глубоко вздохнув, она присоединилась к заседанию, надеясь, что деловые мысли вытеснят из разума тревогу.

Однако та никуда не делась ни после планерки, ни после рабочего дня, ни к концу злощастной недели, показавшейся девушке бесконечной. Сердце подсказывало, что она поступила дурно, проигнорировав вопрос. Но обсудить это с Элис или Мелани она не отважится, потому что обе подруги были напрямую связаны с корпорацией. Вне этого мира у нее не было друзей, с кем она могла бы поделиться мыслями! Или почти не было...

Она еле дождалась вторника, чтобы остаться с мускулистым тренером наедине, после чего буквально впиалась в нее цепкими клыками допроса:

– Гвен, мне нужна твоя помощь!

Густые карие глаза уставились на молодую брюнетку с вниманием. Ее тугой спортивный костюм из черного бюстгальтера и неоновых салатных леггинсов обтягивал плотное загорелое тело, выделяя каждый мускул на обозрение окружающим.

– Кого-то нужно поколотить? – Усмехнулась смуглянка белоснежной улыбкой, поигрывая бицепсами.

– Нет, мне нужен совет, – серьезно произнесла Лиз, чем удивила мисс Рамирес до глубины души; тренер напустила дум на лицо и, едва сдерживая пытающуюся вылезти улыбку, жестами попросила малышку продолжать. – Если бы ты узнала страшную тайну о человеке, который тебе совсем не нравится, что его подставил другой человек, который нравится тебе еще меньше, и от этого страдают много близких тебе людей, ты бы что сделала?

– Я не сильна в психологии, Лизи, честно, – ответила с улыбкой Гвен. – Я хорошо бью в нос, ни разу не промахивалась.

– Пожалуйста, соберись с мыслями! – Взмолилась девушка. – Что мне делать? Рассказать всем?

Женщина и правда задумалась, заложив на лбу тугую складку. Она потеряла подбородок, а потом скользнула пятерней в короткий осветленный ежик на макушке, потирая и почесывая. Наконец, ее мозг, не обремененный мирскими проблемами, переварил исходные данные и выдал результат.

– Два человека что-то не поделили, а ты не выносишь их обоих? – Размеренно уточнила она, но тут же скривилась и удивленно воскликнула: – Какое тебе до них дело?

– Нет, ты не поняла, – терпеливо продолжила объяснения девушка своей тугодумной подруге. – Последствия колоссальные! Все страдают!

– И что? – Фыркнула та. – Раз им это по душе, пусть себе страдают.

Казалось, Гвен уже начисто потеряла интерес к проблеме. Но Лиз не планировала так просто сдаваться, она возмутилась равнодушию чуть ли не больше, чем поступку Палермо.

– Но ведь это бесчеловечно! – Негодовала она, мелькая золотистыми молниями гнева в глазах цвета спелой пшеницы.

Тем временем зал постепенно заполнялся завсегдатаями заведения. Горы мышц разбрелись по пространству, разбирая снаряды и занимая тренажеры, здоровались с ее собеседницей, постоянно отвлекая от серьезного разговора, махали рукой самой Лиз. Наконец, надев на предплечье знакомую алую подушку для боя, Гвен встретилась взглядом с неугомонной девицей и поняла, что та все еще ждет от нее решения ситуации.

– Тебе не кажется, что ты уже знаешь ответ на свой вопрос, просто хочешь уговорить меня в своей правоте? – Скучно протянула тренер. – Поступай, как тебе кажется верным, ты ведь больше знаешь о ситуации.

– Ты права, – осознала девушка.

Она постояла несколько минут, взвешивая слова подруги, и довольно улыбнулась. Теперь она знала ответ. Лиз одернула футболку и со звонким «ха!» внезапно ударила женщине по вялой подушке, вызвав в удивленных черных глазах ответный азарт.

Если бы можно было поговорить с Оли сразу после тренировки, то разговор сложился бы идеально, потому что к утру среды Лиз потеряла весь боевой кураж. Особенно уверенность ослабевала под пристальным взглядом Джима Палермо, который как-то недобро начал поглядывать на лису. Правда, он и до этого смотрел на нее так, словно девушка уже предстала перед ним без своих темно-синей узкой юбки чуть ниже колена и тончайшей голубой водолазки, обтягивающей соблазнительную грудь, но сегодня его взгляд наполнился некой решительностью, словно теперь жертве уж точно не удастся отвертеться от его задумки.

Вдруг он начал приближаться к секретарской стойке, хищно облизывая губы и не сводя взгляда с Лиз, гипнотизируя, словно удав кролика. Девушка интуитивно попыталась найти защиты у Элис, но та даже не подняла взгляда от ежедневника, что-то записывая там своим аккуратным почерком. Что ж, она справится и сама.

Стараясь представить, как бы на ее месте повела себя Гвен, Лиз увидела главного менеджера совсем никчемным и уж больно толстым для своего внимания. Уверенно ухмыльнув-

шись уголком рта, спрятав свои страхи за бетонным торсом мисс Рамирес, помощница шефа встретила кудрявого бутуза во всеоружии своих сил.

– Сходим куда-нибудь вечером, а? – Выдал Палермо, приблизившись вплотную к секретарскому столу. – Я знаю, ты без ума от Кентмора... Но в темноте спальни я стану для тебя хоть Папой Римским!

Джим пытался шутить и быть смелым, но от Лиз не ускользнула некая застенчивость ухажера, окрашивающая его вседозволенность и наглость в нежные приемлемые тона. Однако фантазия услужливо подставила под взор картинку с голым Палермо перед ее носом, и нежность испарилась, словно и не было. Брезгливо вздернув брови на такого большого человека, оказавшимся на самом деле таким абсурдно маленьким, Лиз утвердилась в своем решении, которое приняла вчера в зале.

– Совершенно верно, тебе не переплюнуть Кентмора, как не пытайся. Иди работать, Джимми, – выдала она тоном, отдающим сталью.

Скривив лицо в злобной мине, толстяк выплюнул в ее адрес нечто нечленораздельное и поплелся назад на рабочее место. Зачем и приходил?! Зато теперь Лиз ждала Оли с его «верным оруженосцем Гринго» с утроенной силой. И едва перед их носом открылась дверь офиса, девушка уже стояла на ногах.

– Мистер Траст, мне нужно с Вами поговорить! – Выпалила Лиз.

– Вот как? – Заинтересовался Оли беспокойством в ее глазах. – Идем.

Только когда за водителем закрылась дверь в прозрачный кабинет, личная помощница поняла, что разговор будет складываться при нем, что делало беседу невозможной. Она оглянулась пару раз на бетонную физиономию верзилы, источающую настороженность, неумело прикрытую напускным равнодушием, и выдохнула:

– Наедине.

Начальник кивнул шоферу, и тот вышел, исполнив просьбу лисы.

– Ну, что у нас там, выкладывай, – потребовал он с улыбкой, от которой минуту спустя не останется и следа.

19

Мир сошел с ума, раз открытая и улыбчивая Лиз со страхом заявляет, что жизнерадостный Джим Палермо пытается развалить контору, Алекса, страдающая всю зиму по недоступному Балу, вдруг стала вести себя, словно влюбленная кошка, а Мелани – его родная Мелани! – избрала совершенно случайно объектом противостояния его самого, Оливера. До полного зазеркалья не хватало только звонка матери с неудовлетворением по какому-нибудь пустяку, тогда полный комплект недовольных женщин будет у него в кармане! Счастливчик, что и говорить.

Началось все с посещения его кабинета лисы, выросшей за пару месяцев настолько, чтобы высунуть, наконец, свой огненный хвост из обороны, что несказанно порадовало начальника. Выдворив его водителя вон, она принялась сбивчиво вещать про женский туалет. И можно было смело вызывать сантехника, потому что, кроме слова «туалет», ничего другого понять не удалось, но тут девушка прекратила клокотать и, взяв себя в руки, довольно жестко заявила:

– Мистер Траст, Вы искали человека, кто подставил Дениэла, помните? Это Палермо с друзьями!

– Очень серьезное обвинение, Лиз, – подумав, выдал он. – У тебя есть доказательства?

– Нет, – мотнула головой помощница, но твердости не лишилась. – Только подслушанный в туалете разговор.

Ах, вот причем тут туалет.

Смелая стойка девушки, туго обтянутой в строгую офисную юбку и тонкую голубую водолазку, не вызвала сомнений в ее уверенности, а это значило, что проще развалить весь отдел менеджеров, чем переубедить ее, настроенную разобраться с Джимом Палермо.

– Что ты слышала? – Спросил он, нахмутив брови.

– Они выкрали пароль от базы Тамары и подделали документы, пытаясь насолить Кент-мору, – выпалила Лиз так, словно защищала родного брата.

Нездоровая симпатия между помощником и водителем давненько будоражила весь офис, но защитить понравившегося парня, оклеветав другого, не было присуще даже такой жесткой экономической акуле, как Лиз Харви. А посему, вероятно, девушка не преувеличивала. Все же, ее глаза так и оставались полными преданности конторе, как и в любой другой момент работы в корпорации, поэтому даже самые мимолетные сомнения рассеялись довольно быстро.

– Что ты думаешь с этим делать? – Задумчиво пробасил шеф, будто мисс Харви предстояло выбрать способ наказания нерадивого работника.

– Я? Но я ведь не... – Начала было Лиз и затихла довольно надолго. – Послушайте, мы ведь ничего не можем сделать, так?

– Верно, – кивнул Оливер.

– Доказательств нет, Джим сейчас работает больше всех, чтобы закрыть вопрос с «Лайонс Инк», если мы его уволим, то и проблему вытягивать нам, и профсоюзы съедят фирму с мусором из шредера, – рассуждала девушка.

– Именно, – снова кивнул собеседник.

Ему нравились люди, которые умели думать. Их ему судьба подбрасывала всегда желторотыми птенцами, не умеющими даже червяка взять самостоятельно. Бывало, Оливер удивлялся, что с этим неповоротливым кукушонком вообще можно делать, но, когда давал шанс проявить себя, ни разу не разочаровывался. Каждый из его личных кукушат был достоин звания «сотрудник года», и Лиз – первая из них.

– Полагаю, пусть он сам вылезает из того, куда загнал контору, – пожала плечами помощница. – А пока нужно повесить камеры наблюдения в офисе и туалете. Для моей безопасности.

– Согласен по всем пунктам, – улыбнулся Оливер.

Что ж, она справилась с проблемой, лично ей и обнаруженной, не хуже самого Палермо, если не лучше. Потому что поставить на контроль сотрудников Оливеру не пришло бы в голову даже при очень неприятных исходах, а из уст Лиз эта мысль вылетела вполне благопристойно. Для ее безопасности.

– Лиз? – Окликнул он помощницу практически у выхода. – Как ты думаешь, стоит ли сказать об этом Дениэлу?

Девушка прикусила губу и нахмурилась, соображая, как лучше, но и с этой нелегкой задачей справилась быстро, просчитав все варианты.

– Думаю, что не стоит, – скривилась она. – Иначе он порвет Палермо пополам за это.

Оливер лишь рассмеялся на этот счет, совсем не уверенный, кто из его широких работников победит в схватке. Жир против мышечной массы. Но преданность плутовки умилила его до глубины души.

Незадолго до хитрой лисы в его домашнюю ледяную обитель постучалась супруга с искрометной идеей променять Ежегодный Весенний Бал в следующем году на поездку в клыкастый тревожный Париж. Сам Париж, правда, не был бы так страшен, если бы не реакция на него супруги все эти годы: ее теплые оливковые глаза неизменно наполнялись тяжелыми следами при одном упоминании Франции, а теперь мнение жены изменилось в одночасье на полностью противоположное. Но и этот бы переворот он смог пережить, если бы не странная трансформация его избранницы, произошедшая в «башне» буквально на пару минут.

Во время мирного обсуждения ситуации, коих у них за семейную жизнь имелось с десятков тысяч, Мелани вдруг ошетилилась и принялась обороняться так, как однажды от него уже отбивалась подобным образом им обоим знакомая женщина.

Офелия Портер, мать его ненаглядной, невзлюбила Оливера с самого первого взгляда, как любовь, только наоборот. Их общение всенепременно складывалось из партии фехтования с подсчетом уколов соперника всякий раз, когда столкновения было не избежать. Хоть Офелия и пыталась минимизировать их встречи, но от зятя скрыться полностью не удавалось, а посему Оливеру приходилось держать оборону с минимальным повреждением оппонента. Мелани при этом всегда оказывалась под ударом, словно глина между двух кирпичей. После каждого укола он наблюдал душераздирающую тоску в глазах любимой, ранящей посильнее рапиры миссис Портер, и вскоре принял решение завершить общение с тещей для своей персоны. Супруга же еще долго поддерживала связь с матерью, до тех пор, пока чета не перебралась в новое поместье восемь лет назад.

То ли Офелия сочла их неприлично большой новый дом личным оскорблением, то ли Мелани решила спрятать Алексу от невменяемой бабушки, но факт оставался фактом: отношения между двумя семьями замерли во времени, покрывшись приличным слоем бетона. И вот теперь эти глаза, поджатые губы, манера общения и гордая осанка захватили, словно чума, и разум Мелани. Пусть все закончилось, едва начавшись, но предчувствия недоброго уже пустили корни в его сердце, дав восходы тревоги.

Вскоре после этих двух сцен его ждала другая история, не такая жуткая, но не менее обескураживающая, потому как говорящая, что его единственная дочь незаметно для всей их семьи беспроблемно влюбилась. Утро началось обычными действиями, не предвещавшими ничего подозрительного. Алекса, закрывавшая третью за год сессию с итоговой работой и восьмью экзаменами, как всегда играючи, встретила его в гостиной бодрая и веселая. Оливер поражался, как ей удается это делать: обязательства не давили на девочку страшным гнетом и не отражались на ее внешнем виде и настроении, наоборот, в дни зачетов она была на душевном подъеме.

Он вспоминал, как с трудом давалась учеба им с Мелани – хотя жена в школе очень прилежно работала, в отличие от него – и не понимал, откуда такие таланты у их дочери.

– Доброе утро, пап! – Воскликнула она, подсветив счастьем и позитивом его брненное настроение.

– Доброе утро! У тебя сегодня снова экзамен? – Поинтересовался Оливер, хотя знал ее расписание не хуже ее самой.

– Да, последний. А потом я решила пару месяцев отдохнуть, – выдала Алекса свои планы, смущенно взглянув на отца, и отвернулась к раковине наполнить чайник водой.

– Чем хочешь заниматься? – Спросил он.

Ответа не слышалось довольно долго. Оливер уже успел забыть о своем вопросе, заданном исключительно с целью участия, но никак не с тем, чтобы вызвать у дочери конфуз, случившийся в ее подростковой головке. Наконец, она несмело нарушила молчание.

– Хочу порисовать маслом. Мама обещала подарить на день рождения краски и холсты, – ответила она, не оборачиваясь.

– Отличное занятие! – Кивнул отец, не придав значения тому, что до именин дочери еще целых два месяца, планы на которые та решила оставить при себе.

С самого раннего детства Алекса рисовала всем, что только могло рисовать, причем очень прилично. Некоторые из своих работ она даже выставляла на продажу, но это было больше хобби, которое гениальная малышка не хотела развивать в качестве профессионального навыка.

– Пап, расскажи, как вы с мамой познакомились, – попросила дочь, резко обернувшись.

Его взору открылось застенчивое личико с пунцовыми щеками, родное и близкое в той же степени, сколько недостижимое и невесомо изменившееся безвозвратно. История, которую просила рассказать Алекса, уже с десятков раз звучала в стенах этого дома для ее ушей. Причем, в каждый из них девочка задавала один или два лишних вопроса, будто открывала пасьянс навыков любви по одной карте. В этот раз Оливер почему-то очень смутился, и только много позже он понял почему. А пока глава семьи старался поддерживать неспешный ток разговора, неумело скрывая вдруг подступившие к сердцу чувства.

– Мы учились вместе, ты вроде бы знаешь, – пробубнил он, но Алекса не придала этому значения.

– А было такое чувство... – Вдруг она запнулась, – будто... Знаешь, будто ты ждал ее всю жизнь?

– Хм, любовь с первого взгляда? – Уточнил Оливер, улыбнувшись. – Ты об этом?

Мужчины странно любят взглядом, лучше бы и не любить им. Эти выстрелы глазами, в сторону объекта воздыхания, вульгарный гогот на несмешные шутки, попытки бороться с друзьями на глазах у девчонок, ну, и непристойные разговорчики, делающие тебя на несколько лет старше, по твоему личному мнению. Да уж, какая там любовь в школьном возрасте?

– Нет, не любовь, – отмахнулась юная собеседница. – Пап, я не знаю, как это объяснить. Как будто все, что было до мамы – не опыт, а с ее приходом началась жизнь. И как будто это не подвиг, а вполне естественное состояние, ты же ее ждал.

– Нет, такого не было, милая, – выдохнул глава семьи.

– Ладно, не важно, – улынулась она, отводя взгляд. – Сколько лет вам было, когда вы впервые встретились?

Все же, если перестать искать скрытый смысл в словах дочери и просто отвечать на ее вопросы, смущение заметно уменьшалось. Чем он и занялся, стараясь оставить анализ на потом, когда сможет остаться наедине с собой. Оливер взвесил на скорую руку, насколько полезна или вредна будет правда об их с Мелани ранних отношениях для единственной дочери, и решил быть искренним.

– По четырнадцать. Восьмой класс. Тогда все восьмые классы перемешали, и мы оказались с ней в одном. Совсем еще дети, понимаешь?

– Да, младше меня, – подсказала дочь и улыбнулась.

– Что же я тогда подумал? – Вошел в раж родитель. – Вероятно, что у нее можно списать алгебру.

– Пап, ты несерьезный, – рассмеялась Алекса.

Она доделала какао и поставила кружку перед его носом. Движения ее стали плавными и мягкими, словно набрались неспешного природного потока, как раз того, который он любил в Мел. Ярко выраженная талия подчеркивалась тонким пояском в цвет домашнего платья еловых тонов с крупным цветочным рисунком, а тело совсем перестало напоминать угловатого подростка.

Черт, когда его дочь успела стать женщиной? Вот, что смутило его в самом начале разговора с Алексой: она не была больше его малышкой!

К входу подъехала служебная «БМВ», дав ему вескую причину оторвать взор от той, что еще недавно была ребенком, и Оливер засобирился. Девушка кокетливо взглянула в темное стекло кухонного гарнитура и, поправив волосы, вышла за отцом, чтобы проводить его. После стандартных ритуалов с ним, Алекса повернулась к водительскому окну и помахала рукой, очаровательно улыбнувшись.

Тонированное стекло отъехало вниз, чтобы открыть взору его водителя, так же улыбающегося в ответ. Они молча одаривали друг друга счастливыми взглядами, после чего смущенная Алекса, много раз оборачиваясь, направилась в дом.

Оливер явно не отличался проницательностью, потому как источник утренних вопросов дочери он осознал только после наблюдения в дороге за рассеянной улыбкой своего шофера, которая не исчезала до самой парковки возле офиса корпорации.

20

Девчонка пропала на три недели и оставила их с «Купером» одних.

– Нужно закрыть сессию, а то потом до осени придется ждать, время терять, – будто бы оправдываясь заявила она, – только без меня не продолжай!

И он послушно, словно лошадь под присмотром опытного кучера, остался в стойле. Скучно жуя сухое сено, Дениэл выбирал, куда бы деть себя на ближайшие выходные, оказавшиеся вдруг свободными. И нашел.

Крупный автосалон находился в пяти автобусных остановках к центру Сан-Франциско. Он частенько привлекал внимание водителя, когда тот пролетал по шоссе в сторону поместья, и оставлял в голове мысль, что неплохо было бы в него заехать однажды интереса ради. И вот день из разряда «однажды» настал.

Апрельское солнце уже всю одаривало город теплом и заботой, напоминая о скором лете, а легкие облачка, стоявшие на горизонте небольшими кучками, не мешали ему в этом деле. Дениэл, шурясь от многочисленных зайцев, отражающихся от десятков отполированных капотов на парковке, прошел мимо зеркальных мустангов и нырнул в темные недра помещения с высокими потолками.

Внутри машин было едва ли не больше, чем снаружи. Растерянно шастая между железных бортов, он откровенно заскучал в компании бездушных транспортных средств, не имея никакого собеседника для обсуждения увиденного. «Еще один ряд, и домой», – решил он как раз тогда, когда к нему подошла менеджер по продажам.

– «Ленд Ровер Дискавери», думаю, больше подойдет такому росту, – небрежно бросила она без вступлений и приветствия.

– Добрый день! – Важно ответил гость, словно рамки приличия были для него превыше всего.

Он окинул девушку внимательным взглядом, от белесых аккуратно уложенных волос до тонких щиколоток, торчащих из классических белых кюлотов. Строгий форменный пиджак с вышитым логотипом автосалона завершал ансамбль, а бейджик на ее плоской груди сообщал, что с ним разговаривает некто Лорейн Калиота, «ваш личный консультант». Но больше всего его поразил ее взгляд альбиноса: светло-голубые водянистые глаза, обрамленные белоснежными ресницами и бровями. Они притягивали взгляд, но тут же отворачивали от себя, пугая до отвращения.

– Добрый, – отмахнулась девица. – На какую сумму рассчитываете?

– Я, честно говоря, еще не понял, нужна ли мне машина, – смутился Дениэл, стараясь не смотреть ей в глаза.

– А со стороны показалось, что ты знаешь, чего хочешь, – выдала собеседница, наматывая свои белые волосы на белый палец, но тут же отбросила ненужное кокетство, которое, к слову, ей было совсем не к лицу. – Я Лорейн.

– Дениэл, – автоматически отозвался он, сам не понимая, для чего ему это знакомство.

– Для тебя, Дениэл, «Порше Кайен» одиннадцатого года, последняя модификация, четырехместа «лошадей», – вспомнила работница салона о служебном долге.

– Любопытно, – пробасил он, стараясь забетонировать расшалившиеся нервы. – Может быть, однажды я созрею на него.

– Вот визитка, – сообщила альбинос, протягивая картонку. – На обратной стороне мой мобильный, если вдруг захочешь нечто особенное, вроде вон той детки.

Дениэл даже не взглянул в сторону «детки», ибо желание глазеть на автомобили в компании мисс Калиота пропало начисто. Было в ней что-то неприемлемое. Лорейн не клеилась и говорила строго по делу, однако чем-то она казалась вызывающей, даже вульгарной, похуже

Лиз Харви. Вероятно, нестерпимой уверенностью в себе, настолько жесткой и непоколебимой, что страдало его собственное эго.

– Запиши его в телефон, чтобы не потерялся, – напирала новая знакомая, сопротивляться которой не нашлось сил.

Сжав челюсть плотнее, Дениэл, словно послушный ишак, внес новый номер в свой смартфон, действуя против собственной воли. То ли он изначально не понял странную во всех отношениях девушку, то ли разочаровался в женском обществе окончательно, но желание поскорее сбежать из салона внезапно мобилизовало все его существо. Он вдруг понял, что не хочет ни «Порше Кайена», ни белоглазой красотки, ни вообще каких-либо изменений в жизни.

Дениэл смотрел на Лорейн и искал в ней стимул, чтобы остаться в салоне еще хотя бы на минуту. И вот он вскинул руку с часами к глазам, театрально воскликнув:

– Ого, уже половина пятого! Прости, мне срочно нужно бежать. Увидимся! – Махнул он девице и, не оборачиваясь, вылетел пулей из салона, ловко лавируя между натертых до зеркального блеска автомобилей.

Сдерживая подступившую тошноту от собственного циркачества, Дениэл несся от врага с таким наитием, словно за спиной был огнедышащий белокожий дракон, а не хрупкая белесая моль в рабочем пиджаке. Сильные ноги едва не срывались на бег, когда он повернул за угол, скрывшись, наконец, от невидимого преследователя. Понимание, что он повел себя, как придурак, добавило презрения к себе, еще больше укоренив ощущение неуверенности.

Прогулка до дома заняла полтора часа. Мозг постепенно остыл, пожар потух. На холодный рассудок ситуация теперь и вовсе воспринималась, как идиотская. Руки все еще сжимали рекламный проспект с визиткой девушки, и Дениэл освободил их, бросив ношу в ближайшую урну.

Поместье встретило его блаженной тишиной. Задний двор, обнесенный строениями и палисадником с четырех сторон, не пропускал в себя даже отдаленный шум дороги, который едва различался возле главного входа. Тонкий едва уловимый аромат цветущего жасмина доносился от кустов, но Дениэл порядком утомился от спринта по городу, чтобы исследовать еще и сад. Замерев в беззвучном колодце из деревьев и строений, дно которому служил открытый накануне от защитного пластика бассейн с дорожками вокруг него, Дениэл едва сдержал порыв навестить краснобокого друга, стоявшего за черным служебным «БМВ». Вовремя вспомнив обещание, данное девчонке, он с заметным усилием повел свое тело в дом.

– Ты пропустил обед, Дениэл! – Раздался с кухни голос миссис Льюис. – Проходи, дорогой, я погрею тебе еду.

Тепло и забота обняли его усталые плечи, позволив, наконец, мышцам расслабиться. Беспечная прогулка, обещавшая спасти от скуки, оказалась тем еще испытанием. После плотного запоздалого обеда в компании кухарки, которая просто молча наблюдала, как ее подопечный уминает рис, политый душистым соусом из бобов и орегано, с овощным салатом, молодой человек отправился в комнату. Кто бы мог подумать, что выходные без гаража и его маленькой подруги окажутся такими невыносимо бесконечными и неподъемно сложными?

Книга, которую он улегся было почитать, надоела ему на второй странице. Тело просило нагрузки, которой не могла уже обеспечить его комната. Отжимания не доставляли ему того блаженства, что раньше, потому что мышцы требовали роста усилий. И тут он понял, чего не хватает.

Лэптоп, стоявший в углу стола, принял запрос в поисковой строке и услужливо выдал список необходимого. Спустя четверть часа он стал счастливым обладателем пары гантелей с навесными блинами весом до сорока пяти фунтов каждая. Доставка планировалась на середину недели в офис корпорации, о чем необходимо было сообщить выдре.

Ранним утром среды он поднялся за шефом в полупустой офис и несмело остановился возле стойки секретарей.

– Красавчик хочет пригласить меня на свидание? – Ухмыльнулась медуза идеально выведенными малиновыми губками. – Поторопись, а то Палермо уже тянет свои грязные лапы!

– Уступаю ему пальму первенства, – процедил Дениэл сквозь зубы, но тут же вспомнил, зачем пришел. – Сегодня для меня должна прийти коробка. Нужно ее принять.

– Ты хочешь, чтобы это сделала я, мой дорогой? – Невинно прошелестела Лиз, хлопая густыми ресницами.

Порой эту манеру поведения хотелось вытрясти из нее даже ценой духа. Трясти и трясти, пока вся дурь не вылетит из коротышки вон! Хотя эта непременно знала, где достать еще. Тяжело вздохнув, Дениэл кивнул на фразу «мой дорогой», словно согласился стать на сегодня ее рабом, лишь бы получить во владение свои гантели.

– Тогда ты можешь попросить меня об этом, – кокетливо заявила она. – Справишься?

Казалось, что его раздувшиеся от гнева плечи вот-вот порвут ткань рабочего костюма. Лицо вспыхнуло злостью, а разум затопила раскаленная алая волна неудержимых эмоций. В самый последний момент Дениэл вспомнил, что имеет дело с худосочной девицей, а не с носорогом, бегущим на него. Он вовремя перехватил вниманием собственные руки, тянущиеся к тощему горлу помощницы шефа, и с силой приземлил их ладонями на стойку.

– Не могла бы ты... – Выдавил он из себя, стараясь держать чувства под контролем. – Сегодня...

Тело так мощно сопротивлялось и всеми способами отказывалось произносить неудобное, словно он пытается говорить в вакууме или летать над землей, или еще что-либо подобное, невозможное. Он кряхтел и пыхтел, и бог знает что вытворял при этом, но слова вытягивались изо рта, словно задубевшая бетонная паста.

– Принять доставку... Для меня, – наконец, завершил он самоистязание и глубоко вздохнул.

– Ты забыл сказать «пожалуйста», – подметила промах выдра, равнодушно разглядывая собственный маникюр. – Когда просишь, нужно быть вежливым и почтительным, неужели отец не учил тебя?

Пару минут спустя он уже сидел в машине, куда спешно ретировался с поля боя, рыча от желания придушить красотку. Чем закончился диалог змеи и паралитика в его лице, Дениэл не смог потом вспомнить. Да и важным это не оказалось, потому что неподъемный груз не прошел через бдительность Генри Бишопы на проходной рамке. Там водитель и нашел свои вожденные коробки, сложенные стопкой возле блока охраны.

Но теперь путь в офис был ему заказан. Проклиная помощницу начальника, на чем свет стоит, Дениэл принял решение исчезнуть с ее глаз долой, пока ему не повесили статью за непреднамеренное убийство.

21

Крокус, усыпанный яркими фиолетовыми аметистами, старательно вылизывался заботливой кистью дизайнера. Мелани доводила до идеала шестьдесят второй, последний, эскиз из новой цветочной коллекции ограниченного тиража, разработанного для потребителя класса люкс. Вообще, она никогда не работала с бижутерией или искусственно выращенными камнями, отчего ее изделия порой достигали стоимости ее же автомобиля, но это не было поводом останавливаться в творчестве.

– Почему бы тебе не расширить круг своих покупателей, Мел? – Вопросал ее Оливер с каждой выпущенной коллекцией. – Ведь и простые смертные будут не прочь надеть на палец такую красоту!

Но в этом и заключалась задумка «Ювелирного дома Траст». Мелани будто бы собирала вокруг себя кружок бессовестно богатых людей, которые могли себе позволить справлять нужду в золотой унитаз, когда африканские дети умирали от жажды. Бессердечная элита, сливки общества. И ей, женщине, окончившей обычную среднюю школу Сан-Франциско, выросшую в обычном домишке в многодетной семье, выпала огромная честь украшать этих людей. Возможно, в этом присутствовала огромная порция эго, но пусть и так. После стольких мучений и разочарований в жизни она имела право гордиться хотя бы этим!

«Фонд» постепенно затирался в ее памяти, и уже даже слезы на людях не казались ей провальным безумством, а уж все остальное и подавно. Хотя бравада закончилась аккуратно тогда, когда владелица прибыла на парковку возле здания сине-серого стекла, и никакое майское солнце, щедро раздаривающее тепло с чистого неба, ее не спасло. Внезапная потливость и неоправданное kloкотание сердца не позволили ей выскочить из «Ленд Крузера» и резвой ланью понестись в офис, где женщину уже ждала Молли. Вместо этого она выпала из автомобиля окостенелым комом и поплелась к крыльцу, как на расстрел.

Но самое страшное случилось в банкетном зале, куда Мелани заглянула по пути к широкой каменной лестнице, ведущей к лифтам. При виде столов и сцены сердце ее подпрыгнуло к горлу, выбивая барабанную дробь пульса в висках. Ноги, внезапно давшие корни в синюю ковровую дорожку, отказывались двигаться дальше, как вперед к сцене, так и назад в портьеры. Дикий страх бился в ее сердце пойманной в силки птицей, хлопал крыльями и не позволял взглянуть, что же там скрывается за ним. Тошнота поднялась к горлу мутным желчным сгустком и перекрыла кислород, едва не придушив ее.

И вдруг разболелась голова. Волны боли разливались от затылка к вискам, затапливая все остальные чувства в теле. Ноги сразу же отмерли, а влажная ладонь интуитивно потянулась к нестерпимо больному месту. Мелани осела на ближайший стул, сжав голову руками, словно дикие мысли могли разбежаться из нее, и принялась дышать, с силой выдувая воздух, сложив губы трубочкой. Она дула на несуществующую свечку, пока эмоции не улеглись, старалась так, словно сахарная преподавательница йоги сидит и ждет от нее результатов. Но зал был пуст.

Наконец, она смогла подняться со стула и выйти вон, задержав тяжелую синюю ткань. Она никогда больше не пойдет в этот зал, нет, сэр! К черту эту птицу страха! Взмахнув рукой, она поймала пернатую за хвост и отправила за ту самую стену, которую возвела недавно в собственном сердце.

– Посиди там, чертовка! – Выплюнула хозяйка «Фонда» и поплелась к лестнице.

К обеду, устав от бесконечных таблиц и цифр, Мелани поднялась на этаж выше, где под самой крышей размещался ее второй офис, если так можно было назвать комнату с забитыми шкафами и единственным столом, куда усаживалась время от времени Джулия, секретарь «Ювелирного дома». Если бы люди из той самой элиты увидели, в каком состоянии на самом деле находится мастерская по изготовлению изделий, они бы пришли в ужас и тут же отказа-

лись бы от покупки. Ведь любая другая фирма с подобным ассортиментом продукции имела, как минимум, офис с водопадом и гигантским аквариумом на Елисейских полях, а не эту подсобную зону в качестве рабочего места. Однако, что есть.

– Добрый день, миссис Траст! – Поздоровалась с ней деловая секретарь.

Строгая и холодная до эмоций Джулия была на пару лет младше Мелани, обычно не бравшей в штат «детей». Но эта хваткая темноволосая женщина сразу дала понять, что проблем с ней не будет: она отличалась прилежностью и исполнительностью, никогда не торговалась, в какой из дней нужно выйти в офис, а в какой можно работать из дома, а результат труда выдавала с точностью высокоскоростного компьютера. Однажды начальница даже задумалась, а не поменять ли местами своих секретарей: нежную блондинку Молли посадить к железкам, а Джулию направить систематизировать средства и цифры в «Фонде». Но в итоге решила оставить все как есть, о чем ни разу не пожалела.

– Здравствуй, – бросила она. – Как поживает список ювелирных мастерских, согласных взяться за дело?

– Готов, – кивнула строгой стрижкой работница, отчего ровный срез волос облизал ее сухощавые жилистые плечи.

Иных ответов Мелани и не ждала. Она сгребла листы с телефонами и названиями контор, оставив пачку эскизов, которые необходимо было отсканировать и переслать ей на почту, и, пробыв менее четверти часа на рабочем месте в «Ювелирном Доме», покинула его, вернувшись к сметам.

К вечеру совершенно вымотанная и измученная цифрами, она ввалилась в темную зеркальную дверь главного входа. За столом ее ждали муж и дочь, которым она позвонила заведомо с просьбой заняться ужином самостоятельно. И они неплохо справились! Никаких полуфабрикатов, лишь свежие овощи и печеные грибы с пастой. Мелани оценила взглядом учительницы старших классов сервировку стола и, удовлетворенно хмыкнув, сочла работу семьи зачтенной.

– Мы как раз обсуждали день рождения Алексы, – как-бы между делом сообщил супруг. – Мы хотим съездить на пикник в какое-нибудь тихое семейное место.

– В тихое? – Не поняла родительница. – Куда, например?

– На море, – выпалила дочь с ходу, но, увидев реакцию на предложение, принялась искать еще варианты: – Или в лес. Или куда-либо еще.

– Но это ведь будет понедельник! – Мотнула головой Мелани. – Мы с папой работаем.

– Мы сможем взять отгул, начальники ведь, – улыбнулся супруг.

Ее прижимали. Неужели Оливер не понимал, как сложно было ей в поездках и прогулках с девочкой? Совсем недавно он запретил отвезти Алексу к доктору Фергусону, остерегаясь сложностей, а тут сдался для утех и развлечений.

– У меня сейчас очень много работы! Очень! – Вспыхнула она.

Гневный взгляд ее зеленых глаз буравил лоб супруга, мускулы лица которого даже не дрогнули. Он все так же сидел с легкой улыбкой на устах, время от времени поглядывая на Алексу.

Заговор. Саботаж. Что делать?

– Я бы хотела позвать друзей, мам, – произнесла дочь и застенчиво улыбнулась.

Последняя капля терпения иссякла, и Мелани, догадываясь, о каких друзьях шла речь, предпочла спастись бегством. Она прикрыла веки уставших глаз и пару раз выдохнула, чтобы найти силы к разговору.

– Мне нужно переодеться, – выдала она и, вальяжно развернувшись к лестнице, оставила семью в гостиной.

– Почему она так рассердилась на меня? – Недоумевала Алекса, когда дверь в спальню выразительно хлопнула.

– Полагаю, что не на тебя, – не согласился отец и, промокнув рот салфеткой, поднялся из-за стола, чтобы выяснить причины от первого лица. – Не убегай, мы сейчас вернемся.

Только они не вернулись. Алекса, едва дыша, слушала первую в своей жизни ссору родителей. Децибелы то нарастали, то стихали вновь, кричала в основном мама. Далеко не все слова были ей слышны, а те, что слышны, не совсем понятны, но итог этого скандала встал перед ее носом бетонной стеной: она не получит никакой поездки на день рождения, равно как она не получила Бал по весне.

Но домашний арест казался не таким ужасным на фоне того, что ее мирные дружные родители ссорились сейчас из-за ее легкомысленного хотения. Алекса разбивала свою семью, желая больше, чем может получить.

Слезы тихими струями полились из ее глаз, капая в тарелку. Девочка поднялась на ноги и, придерживаясь за перила, поплелась по лестнице туда, где был эпицентр урагана. Сквозь дверь она услышала очень неприятные адресованные отцу слова, которые предпочла бы забыть, но возможности к этому не было. Мама потеряла лицо. Она постояла под натиском воплей с минуту и беззвучно скользнула в свою комнату, где упала на кровать и разрыдалась уже в полную силу.

22

Порядком устав от бесконечных выходных в одиночестве, он все же выбрался в гаражный отсек из своей конуры. Приветливое майское солнце припекало к плечам, обтянутым темной рабочей футболкой, и играло в жмурки на поверхности бассейна. Прикрывая глаза рукой, Дениэл добрал до раскрытых рольставней, возле которых стояла та, которую он ждал на свидание лишь к следующим выходным.

– Я закончила! – Сияла Алекса, смущенно перетаптываясь у входа. – Теперь студентка четвертого курса.

– Поздравляю! – Восторженно воскликнул водитель, искренне радуясь за подругу. – Теперь по всем правилам обучения ты достигла официального совершеннолетия и можешь покупать в магазинах крепкий алкоголь.

Он так обрадовался ее компании, что едва не бросился обнимать при встрече. Однако слова о возрасте почему-то несказанно огорчили девушку: она вдруг растеряла всю свою радость, а улыбка плавно сползла с ее пухлых губок.

– Не напоминай, – вздохнула она. – День рождения – не мой праздник.

Приятель зашли в темный сухой грот с автомобилями, гулко шурша подошвами о каменный пол. Их общий друг так и стоял в дальнем углу, прикрытый брезентом, и, казалось, обрадовался тому, что о нем вспомнили. Дениэл, щелкнув выключателем, зажег яркий свет ламп дневного освещения, которые теперь, с разрешения Луи Кроненберга, являлись частью интерьера.

– Плохой настрой, – отрезал мужчина, который сам не любил свой праздник, но девчонке в этом никогда не признается. – Но ты все равно можешь рассказать, что случилось, если хочешь.

– Не очень хочу, – нахмурилась собеседница, но тут же попыталась улыбнуться. – День пока хороший.

Аккумулятор, стоявший со вчерашнего вечера на заряде, снял свои разноцветные клеммы и перекочевал туда, где ему самое место – под капот краснобокого друга.

– Мы ведь его уже меняли! – Удивилась Алекса.

– Три недели без подружки огорчат кого угодно, – ухмыльнулся молодой человек, имея в виду тяжелый бокс под руками.

Но его помощница, очевидно, поняла слова иначе, потому что вдруг залилась явной краской смущения и опустила взгляд карих бархатных глаз в пол. Пожав плечами, Дениэл принялся прикручивать агрегат на место, осознав, что железо ему понимать гораздо проще, чем витиеватые мысли подростка. Он поглядывал впологлаза на застывшую покрасневшую малышку, но покорно ждал, пока она сама выйдет из эмоциональной комы, усердно делая вид, что занят делом и не замечает ее конфуза.

Вскоре так и случилось. Алекса вернулась к «Куперу» и все же отважилась обсудить вопрос, который ее так волновал.

– Как можно отметить свой день рождения? – Спросила она тихо.

Дениэл отвлекся от грязного дела и, потеряв лоб тыльной стороной руки, крепко задумался, что можно сказать малышке в ответ. Блекджек и ночной клуб отпадали сразу, кроху даже на порог заведений не пустят. Но и розовая вечеринка с единорогами и карамельками тоже не подходила по возрасту.

– А как бы ты хотела? – Выкрутился водитель.

– Я хотела съездить в парк, – всплеснула руками Алекса и снова смутилась.

Ей почему-то очень сложно было разговаривать о себе, проявлять эмоции. Дениэл смотрел на подругу с некой заботой и непониманием, чем так измученна дочка богатого папы.

Мимолетное желание решить прямо сейчас все ее проблемы разбилось об мысль, что он ей все же не отец.

– В Сан-Франциско не один десяток парков. А «Голден Гейт» вообще переплюнет их всех вместе взятых. Не вижу проблемы, – фыркнул он, пытаясь поддержать девчонку, но та лишь погрузилась еще больше: похоже, проблема была не в наличии парков. – На Коламбус-авеню есть потрясающее кафе «Синий слон». Очень приятное место для праздничного ужина, тебе бы понравилось там.

– Может быть когда-нибудь, – печально улыбнулась девушка и, вздохнув глубоко, заглянула в недра разинутой пасти «Купера». – Не хочу больше думать об этом, уж лучше заняться делом!

Усмехнувшись, он лишь согласился с выводом. Если не можешь решить проблему, какой смысл о ней мозговать? Оказалось, у рослого мужчины и девчонки-подростка могли быть одинаковые умозаключения. В последующем, он эту фразу будет пытаться прикладывать ко многим своим проблемам и неувязкам, что сохранит ему львиную долю хладнокровия в некоторых ситуациях.

День в приятной компании довольно быстро перевалил за свою половину и склонился к вечеру. Закатное солнце подкрашивало кроны акаций, раскинувшихся в зеленой зоне палисадника, протискиваясь через узкий проход между крылом дома и гаражным строением. Они забыли про обед и мобильный телефон, поэтому вскоре их единение нарушили, однако весьма мягко.

– Вам скоро можно будет открывать мастерскую по ремонту автомобилей, – усмехнулся мистер Траст, приближаясь к друзьям. – Светло у вас тут!

Он пробежал глазами по лампам и проводам и снова вернулся к перемазанным смазкой слесарям, лучезарно улыбаясь. Алекса вторила ему яркой душевной улыбкой. Отец и дочь так проникновенно одаривали счастливыми взглядами друг друга, что Дениэл почувствовал себя лишним в их компании, как раз тем, кто огромными ручищами рушит семейную идиллию. Стараясь тихонько продолжать свою работу, дабы не спугнуть момент, он, конечно же, уронил один из гаечных ключей на бетонный пол, и тот сгромыхал с оглушительным звоном, отразившись от стен еще сотней упавших железок. Его спутники разъединили зрительный контакт и с интересом оценили источник звука, однако, наткнувшись на сконфуженный вид шофера, снова вернулись друг к другу.

– Мама переживала, что ты не пообедала и попросила проведать тебя, – доложил глава семьи.

Девчонка виновато подняла бровки и обвела пространство черными руками, словно извиняясь. Мистер Траст мягко усмехнулся и прижал к себе бунтарку за плечи. Никогда в жизни Дениэл не видел такой нежности и любви от начальника: он не только покрывал малышку теплым одеялом заботы, но и питал ее какими-то только им двоим понятными эмоциями, отчего даже молчание между ними казалось интимным. В этот момент жгуче хотелось остаться и досмотреть сцену до конца одновременно с желанием провалиться сквозь землю, чтобы не мешать.

– Скажу ей, что вы перекусили здесь, – кивнул им гость и вышел вон, по традиции, не прощаясь.

Снова залившись краской, Алекса перевела взгляд на своего брата по оружию, продемонстрировав готовность продолжать.

– У тебя просто замечательный отец, – не сдержался Дениэл от комментариев.

– Я знаю, – улыбнулась собеседница.

Они не заметили, как на улице стемнело. Теплый майский вечер окутал двор сизой дымкой, которая, сгущаясь, стала протягивать друзьям свои лапы в раскрытые ворота гаража. Она

тщетно пыталась поглотить лампы дневного освещения, когда возле выезда с легким хрустом электричества зажглись фонари, прогнав незваную гостью вовсе.

– Не откручивается, – выдохнул Дениэл, измучавшись с неподатливой деталью. – Придется срезать болт, но это уже в следующий раз, а то поздно.

– Дальше работаем по графику? – Уточнила Алекса.

– Да, в следующую субботу в десять утра, – кивнул поделец и тоже улыбнулся.

Несколько раз обернувшись, девушка вышла из гаража, оставив его наедине с металлическим другом. Он окинул заботливым взглядом автомобиль и принялся отмывать руки растворителем, тщательно оттирая въевшееся масло, заодно обдумывая, какие детали потребуются заказать.

Кроме того, чтобы срезать болт, необходимо было найти болгарку, коей на полках с инструментом он не наблюдал. Возможно, у Луи есть нечто подобное? Да, пожалуй, в дом охраны он и направится, как только наведет порядок на руках и в гараже.

23

Сладкий аромат ванили разлился по кухне, обещая на ужин приятный десерт. Накинув на руки прихватки, Лиз выудила из духовки поднос с ароматными «язычками» и принялась наносить на них слой тягучего сиропа. Совсем скоро она ожидала в гости свою подругу, которая часто звонила, но навевалась в ее дом на Иннер Парксайт теперь гораздо реже после разговора о новогодней елке. Конечно же, она оправдывалась обилием дел и забот, но недоговоренность в отношениях все же чувствовалась, словно теперь они общались через окошко в бетонной стене.

Не сильно переживая по этому поводу, Лиз принимала общение с ней в том виде, в котором оно было. Ей просто нравилось готовить для Мелани угощение, усаживать за свой стол и делиться событиями из жизни. Этого уже было достаточно, чтобы скрасить пустую кухню, поэтому девушка заботливо расставила по залитой теплым майским солнцем скатерти посуду и, довольная, уселась резать овощи для салата.

Совсем скоро мелодичный звонок оповестил, что неплохо было бы открыть госте дверь. Воздушная, в летящем шифоновом платье баклажанного цвета с мелкими светлыми завитушками, она ворвалась в ее кухню глотком свежего воздуха и напомнила, что лето не за горами, а Лиз снова не видит разницы между временами года.

– Ты прекрасно выглядишь! – Восхитилась хозяйка дома, разглядывая со всех сторон подругу.

– Это все моя коллекция, – сообщила та, очаровательно улыбаясь. – Наполняет позитивом.

Пока угощение перебиралось с плиты в тарелки, Мелани открыла на смартфоне отсканированные Джулией файлы и продемонстрировала свое искусство.

– Какая же красота! – Воскликнула Лиз, пролистывая картинки. – Как можно будет приобрести такие штучки?

– Честно говоря, я пока не думала о заказах и сбыте. Они все для Парижской выставки и стоят каждая – целое состояние, – важно проговорила гостя.

Однако для Лиз «целое состояние» оказалось слишком расплывчатым ответом, и настырная девушка выпытала примерную стоимость некоторых изделий, после чего, изумленно прищипнув, вернула телефон хозяйке.

– За такую цену я бы не стала носить, прости, – усмехнулась она, преодолев шок от полученной информации.

– Да, их не каждый может себе позволить, – согласилась Мелани.

Наконец, хлопоты перед ужином подошли к концу, и владелица домика уселась на стул напротив подруги, поджав под себя одну ногу. Вальяжность и статность госты, явно гордящейся своими эскизами и жизнью в целом, настолько контрастно смотрелись с ее весельем, граничащим с сарказмом, что Лиз рассмеялась над комичностью ситуации. Они оказались из разных эпох, разных миров: возвышенная с королевской осанкой Мелани Траст и она, запакованная в трикотажные спортивные штаны светло-серых тонов, с наспех заколотым пучком волос на голове, расслабленная и домашняя. И все же мисс Харви была рада ее компании.

– Да тут даже дело не в «позволить себе», а в том, как их носить! Куда? – Поинтересовалась она, искренне недоумевающая. – На светский вечер с двумя охранниками по бокам? Или дома? Не мое это, в общем.

Небрежный тон девушки вызвал очень неоднозначную реакцию собеседницы: легкий огонек несогласия быстро угас в ее зеленых глазах и сменился смиренным отчаянием. Погрустнев, она осунулась, и цветущая весна ушла из Мелани, оставив лишь намек на себя в виде пестрого фиолетового платья. Закатное солнце, льющее в панорамное окно кухни мягкий свет,

подчеркивало теперь каждую складочку на ее лице, хотя до этого играло противоположную роль, мягко мерцая на тонко наложенном макияже.

– Прости, я не хотела тебя расстраивать, – произнесла Лиз, участливо прикоснувшись к ее плечу.

– Нет-нет, ты права, – покачала головой женщина. – Я вспомнила, что на прошлый день рождения подарила Алексе ненужную ей диадему, которая, по-моему, даже из коробочки ни разу не доставалась за этот год. Я плохая мать.

– И ничего ты не плохая, – возмутилась Элизабет. – Разве мать измеряется подарками? Мама – теплая и душевная, искренняя и добрая, ей нипочем правила и принципы на фоне собственных детей; мама всегда поймет, поддержит и утешит, мудро подскажет выход из любой ситуации, а счастьем дочери будет радоваться больше, чем своему. Это все в тебе есть с лихвой!

С каждой репликой глаза гостьи становились все шире, плечи опускались все ниже, а взгляд теперь совсем потух и стал затравленным, словно ее загнали в угол. Мелани положила вилку на стол и прикрыла глаза, словно собираясь с мыслями. И сидела так довольно долго, пока растерянная приятельница пыталась до нее достучаться разными фразами. Наконец, она глубоко вздохнула и выпустила в белоснежный потолок кухни тонкую струйку воздуха, словно задувая свечу.

– Я плохая мать, – повторила она тихо, тут же замахав руками на попытки Лиз утешить ее, и та притихла. – Мне сложно признавать, что Алекса растет. Мне кажется, я отношусь к ней, будто ей до сих пор восемь: решаю за нее, что она будет есть, что носить, чем заниматься... Ничего, из того, что ты перечислила, во мне нет. Я даже не знаю, каково это – быть такой мифической мамой, потому что и моя мать, и мать моей матери – другие.

Сердце сжалось в тисках тоски от картины за столом. Мелани не плакала, она просто казалась разбитой на мельчайшие кусочки, опустошенной, вымученной. Даже солнце стало светить вполсилы на этот грустный мир, проваливаясь за горизонт.

– Послушай, но ведь еще не поздно! – Попыталась поддержать ее девушка. – Сколько лет твоей дочке?

– Шестнадцать через две недели, – понуро сообщила родительница.

– Попробуй узнать ее заново, – посоветовала Лиз. – У нее сейчас не самый легкий период: скоро окончание школы, выбор университета и специальности, мальчишки, первая любовь. Это все очень сложно для девочки, ей как никогда нужна мама. Поговори с ней. Чем живет, чем интересуется?

Гостья лишь молчаливо кивала, словно была разумом где-то далеко.

Их разговоры, поняла Элизабет, постоянно сводились к тому, что Мелани вдруг начинала расстраиваться. И не важно, что обсуждать – они всегда найдут повод ранить друг друга, словно в войне и заключался смысл их общения. Что ж, не удивительно. Они встретились на войне, война их и сблизила.

– Может, ты и права, таких мам не бывает, – решила смягчить ситуацию хозяйка кухни. – Видимо, я мечтаю о такой, вот ко мне и прилип образ.

– Это была бы прекрасная мама. Я бы тоже от такой не отказалась, – грустно улыбнулась Мелани, впервые с момента угасания. – Мы бы с ней ходили в парк, смеялись и болтали обо всем на свете.

– И пекли бы пироги субботними вечерами, – вторила Лиз.

– И смотрели сериалы, укрывшись пледом, с какао в руках, – развеселилась женщина

– И обсуждали мальчишек, их инопланетные странности и скверный характер!

Подруги рассмеялись и обнялись, наполнившись сладкой иллюзией. Им снова стало уютно и тепло вместе, словно теперь в той части их угрюмого детства каждая из них была не одна. Они приняли еще один кусочек того, что уже безвозвратно прошло, оставив лишь горечь разочарования.

После плотного ужина Лиз разлила по кружкам чай и выставила поднос с «язычками», которые стали уже символом их встреч.

– Оливеру бы они понравились, как раз в его вкусе, – удовлетворенно кивнула Мелани, уплетая четвертый «язычок».

– Да, он их любит, – подтвердила девушка. – Давненько я не пекла в офис ничего подобного. Да и офис уже не тот.

Горячий чай с лимоном сблизил подруг, смешав их характеры и поделив на двоих все горести и невзгоды. К концу встречи они настолько прониклись теплом и заботой друг о друге, что невозможно было сказать, кто из них старше и солидней. Мелани снова смеялась ярко и лучисто, а Лиз набралась от женщины влюбленности в жизнь и уверенности в завтрашнем дне. Обняв друг друга на пороге дома, они стояли несколько минут, не желая расставаться.

– Приезжай чаще, ладно? – Смахнула Лиз слезу, словно прощалась с ней навсегда. – Я знаю, у тебя дела и семья, а у меня лишь работа и четыре стены, но... Я всегда тебе рада!

– Непременно приеду, дорогая! – Заверила ее гостья. – Впереди лето – подумай, куда мы можем пойти вместе. Я рада любым идеям.

Вскоре они нашли в себе силы отпустить руки, и белая деревянная дверь шелкнула замком, разъединив их взгляды. Женщина легкой поступью сбежала по каменным ступеням к подъездной дорожке, в конце которой уже блестел в свете фонарей ее родной черный «Ленд Крузер». Покидая дом на Иннер Парксайт поздним вечером субботы, Мелани твердо для себя решила узнать, чем все же живет сейчас ее дочь. Ее разум горел желанием наладить отношения с Алексой, душа пела серенады в голос, а сердце пылало от любви к жизни и миру.

Ровно до того момента, пока хозяйка поместья не вернулась в свою обитель и не встретила с фактом, враз разбившим весь ее энтузиазм. Ее принцесса снова просидела весь день в бетонном дворце с этим невыносимо вездесущим уголовником.

24

Цветной подарок от мамы она получила за неделю до знаменательной даты. Масляные краски уже были опробованы, необузданны и прокляты, после чего убраны в кладовку и вытаснены вновь, а день все не наступал. Оказалось, что рисовать маслом не так-то просто, как думала Алекса. Непослушное и глянцевое, оно ложилось на холст очень капризно, бликовало и врало цвета, чем очень нервировало юную художницу. И, конечно же, мама приняла нехватку навыков дочери на свой счет, подумав, что подарок пришелся ей не по нраву. Однако узнала об этом Алекса от отца, с ней же лично родительница разговаривать не стала, отгородившись бетонной стеной молчания. Правда, сделала это мать еще зимой, но теперь принялась избегать ее в открытую.

– Мне нужно поскорее закончить с эскизами, дорогая! – Елейным голоском мурлыкала она, едва их дорожки пересекались, и спешила поскорее ретироваться.

Не очень-то приятно быть изгоем для собственной матери. Поначалу Алекса обнюхивала себя, не пахнет ли от нее чем-то неприятным, оттирала руки щеткой от едкого машинного масла, пыталась угодить ей, потом принялась отвечать взаимностью и избегать хозяйку поместья, но вскоре устала и от этого. Итогом стало принятие холодных отношений, потому как сделать с этим девочка ничего не могла.

Дни шли, занятые рисованием и ремонтом автомобиля. Временами Алексе становилось скучно в будни, и она уходила от мира в литературу, как развлекательную, так и необходимую для обучения, хотя обещала отцу сделать перерыв. Важных писем на почту приходило мало, и если не считать нескольких сообщений от художественных магазинов и одной благодарственной речи от музея, то и вовсе наступило летнее затишье, что никак не ускоряло жизнь одинокой девочки. А ускорить ее очень хотелось!

И вот, наконец, заветный понедельник наступил. Несмотря на то, что именинница свой день рождения очень ждала, бодрое июньское солнце совершенно не порадовало ее сегодня, ведь проснувшись она в крайне дурном настроении, не предвещавшем ничего хорошего. Она долго сопротивлялась лучам, миллионами осколков рассыпавшимися по ее стенам, ворочалась и накрывалась одеялом, чего ей было несвойственно, однако к десяти утра, когда на кухне уже всю гремела посуда в маминых руках, вынужденно призналась себе, что пора вставать. Именно сегодня за неимением стимулов она бы пролежала в кровати весь день, словно бунтуя против своего рождения.

Ранним утром Алекса слышала, как встал отец. Он сходил в уборную в родительской спальне, скрипнув дверной ручкой, довольно быстро совладал с костюмом в гардеробной и направился в гостиную, мягко ступая ботинками по лестнице. Вопреки обычаю, девочка не стала провожать отца на работу, хоть и поплатилась тем, что не увидела Дениэла. Но они все выходные просидели в гараже, что не добавило тепла в ее отношения с матерью, поэтому соскучиться по нему за ночь Алекса не успела. А вот пересекаться с папой до праздничного обеда разум почему-то отказался.

После гигиенических процедур в ванной комнате она раскрыла створки встроенного шкафа и уставилась на гарнизон вешалок перед носом. Пролистав с десятков нарядов, которые ей неизменно выбирала мама, Алекса, фыркнув презрительно, стащила с полки любимые пунцовые домашние штаны в восточных узорах и белую футболку.

– У меня сегодня день рождения! – Воскликнула она в пустоту комнаты и натянула одежду, которой мама определенно будет не рада в праздник.

Она нарочито небрежно и громко спустилась по каменной лестнице, хоть это и стоило ей немалых трудов, потому что монументальные ступени глушили каждый шаг ее мягких домашних туфель.

Плавно покачивая струящимся подолом платья в крупных синих цветах, мама хлопотала с завтраком у плиты. Совершенно обычное утро обычного дня рождения, если не считать того, что Алекса стала за этот год совсем другой. Она вдруг явно почувствовала лживость и фальшь всего события, если не жизни в целом. Какая-то невесомая апатия собралась уже накрыть ее, но тут она встретила с взглядом матери, полным упрека.

– У тебя закончились чистые платья? – Вопросила она, приподняв брови.

– Мне захотелось надеть штаны, ведь это мой день рождения, – объяснилась девочка, не смутившись.

Гнев вспыхнул адским рыжим светом в зеленых зрачках родительницы, но от комментариев она воздержалась. Вместо этого она повернулась к плите и, выдохнув с силой, принялась агрессивно мешать омлет, хоть он того и не требовал. Вообще, поза хрупкой женщины больше стала теперь напоминать постановку борца сумо на татами, готового к захвату соперника. Ее плечи вздыбились, и за ними теперь смешно торчала макушка головы. Развеселившись, Алекса представила маму на ковре и невольно прыснула от смеха. Ей вдруг захотелось вернуть родительнице былую грацию, и она знала, как это сделать.

– У тебя очень красивое платье, мам. И тебе оно идеально подходит, – проговорила она добродушно.

Резко обернувшись, женщина недоуменно уставилась на дочь, но та продолжала невозмутимо улыбаться.

– Спасибо, дорогая, – проямлила хозяйка поместья. – Папа любит длинные платья.

Что и требовалось. Compliments всегда творили с ней чудеса, однако до сегодняшнего дня этот запрещенный прием на ринге использовал только отец. Но теперь и Алекса знала, как изгнать дьявола из матери. Оставалось надеяться, что этот нехитрый способ будет безотказно действовать на протяжении как можно более долгого времени. Похоже, ей придется учиться находчивости и красоте слова.

– Я могу помочь, – вдруг вызвалась именинница, ощутив гнетущую пустоту в руках. – Хочешь, заварю чай?

– Да, но... – Запнулась родительница и тут же спохватилась, словно вспомнив: – С днем рождения, Алекса!

Она выключила плиту и протянула руку к полке, откуда сняла аккуратную коробочку в подарочной бумаге, совсем маленькую.

– Но ты ведь уже подарила мне краски! – Воскликнула виновница торжества, смутившись.

Однако настойчивость матери вскоре взяла свое. Девочка протянула тонкие пальчики к подарку и принялась добывать сюрприз. Под упаковкой оказалась фирменная картонная коробочка одного из сетевых ювелирных магазинов, белая, с неброским черным логотипом. Еще больше удивившись, Алекса открыла ее и обнаружила внутри небольшое аккуратное кольцо, неширокое, с цельным, на половину его окружности, черным камнем классической огранки.

– Это оникс в белом золоте, – уточнила дарительница. – Его можно носить каждый день, оно не боится воды и... И машинного масла.

Именинница видела, с каким невероятным трудом далась ей эта реплика и, не веря своим ушам, все же отважилась примерить украшение.

Впору.

– Но как же ты?... – Начала спрашивать девочка, но вдруг поняла, что ей не нужны ответы ни на один из ее вопросов: нет ничего более важного, чем единение с мамой здесь и сейчас. – Спасибо тебе!

Она крепко сжала ее в объятиях, утонув в родном аромате духов, и на минуту забыла туманное начало дня. Так близко они еще никогда не были. Или Алекса просто не помнит.

– Мне показалось, мои украшения тебе некуда носить, дорогая, – раздалось у нее где-то возле виска. – Они большие, громоздкие и очень требовательные. А мне хотелось подарить тебе нечто такое, что могло быть с тобой постоянно.

– Оно очень красивое, мам! – Расчувствовалась девочка, едва сдерживая слезы. – Я никогда не буду снимать его!

25

Он снова прозевал день рождения дочери, в который раз. Круговорот дел и забот поглотили Оливера настолько, что он опять не подготовил подарок для той единственной малышки, что жила в его сердце каждую минуту, вне зависимости от возраста. Раннее утро окатило его ведром ледяной воды осознания, что заветный день уже сегодня, а он снова не у дел.

Очень аккуратно, чтобы никого не разбудить, он справил свои заботы в спальне, в который раз обещая себе смазать скрипящие дверные ручки, и на цыпочках, моля, чтобы именинница не проснулась и не застала его в постыдном состоянии, спустился в гостиную.

В доме было тихо. Семья спала, не слышалось даже шорохов со второго этажа. Оливер взглянул на часы и понял, что у него еще есть как минимум четверть часа свободного времени, которые раньше занимала дочь с ее неизменным какао, но сегодня все оказалось иным. Его это устраивало. Мужчина постоял с минуту, соображая, стоит ли завтрак того, чтобы столкнуться с дочерью, и понял, что не голоден. Он накинул пиджак и вышел на улицу.

Обогнув западное крыло, Оливер оказался на заднем дворе дома, задумчиво остановившись на развилке дорожек. Одна из них вела в гараж, где в тугом сером сумраке темнели бока автомобилей, другая к входу для персонала, а третья, проскочив мимо плавательного бассейна, уходила в зеленый палисадник, на краю которого висело в ветвях деревьев не очень высокое розовое солнце. Теплый золотистый свет заливал задний двор.

Ручка невзрачной двери шелкнула, и из поместья вышел его водитель. Высокий, опрятный, но немного небрежный и опасный, он не оставлял никаких вопросов, почему Алекса так застенчиво вела себя с ним.

– С добрым утром! – Раздался негромкий бас шофера. – Что-то случилось?

– Доброе утро, Дениэл. Нет, я просто вышел прогуляться, – ответил начальник.

Оливер поднял взгляд на окна второго этажа, где за занавесками из прозрачных граненых бусин спала его ненаглядная принцесса. Молодой человек поднял взгляд вслед за ним ко второму этажу и, пристально окинув им мерцающие нити, растерянно почесал затылок.

– Что там? – Решил уточнить он.

– Окна Алексы, – выдохнул шеф. – Я снова забыл про подарок.

Мужчины прошли в гараж и загрузились в «БМВ», готовые к новому рабочему дню. Или неготовые.

– Она хочет поехать куда-нибудь, – вдруг выдал Дениэл, осторожно выводя автомобиль из раскрытого зева гаражного отсека.

Вид за окном показал бассейн, вслед за ним поплыла стена поместья, но вскоре и она осталась позади. Аллея туй проводила их стройным отрядом до самых ворот, а Оливер так и не знал, стоит ли вступать в дискуссию на эту тему с непосвященным человеком.

– Я знаю, Дениэл, – вздохнул он очень тяжело. – Но это невозможно.

– Почему? Из-за прошлогоднего Бала? – Спросил шофер заинтересованно так, словно его этот вопрос тоже касался; впрочем, почему бы и нет? – Но ведь не обязательно идти на банкет в пафосный ресторан. Можно уехать в малолюдное место, их полно вокруг Сан-Франциско! Например, Мьюирский лес.

Оливер вздрогнул от упоминания о заповеднике. Память моментально выдала картинку с опустевшим безжизненным лицом дочери, смотревшем перед собой равнодушно и апатично. Когда-то и он считал это место безопасным и безлюдным.

– Нет, это невозможно, – отрезал отец именинницы.

Твердость тона не оставила шансов собеседнику. Он замолк, угрюмо вцепившись в баранку, и лишь изредка поглядывал в зеркало заднего вида тяжелым взглядом. Оливеру

стало не по себе от такой обстановки, ведь парень уже стал ему очень близок, и недоговорки в общении сказывались плохо на поездках и работе в целом.

– Мне сложно это объяснить, Дениэл, но причины и правда веские. Алекса редко выходила из поместья, она абсолютно неприспособленна к жизни за его пределами.

– Так ведь она и не приспособится, если ее не выпускать! – Вспыхнул водитель, но тут же взял себя в руки. – Простите, это не мое дело. Я не знаю всей вашей жизни, и Алекса – не моя дочь.

– Все в порядке, – ответил он сконфуженно, но добавить, к своему сожалению, ничего не смог.

События, окружающие его со всех сторон, будто бравый полководец заклятого врага, вышибали Оливера из привычного. То, что раньше им с Мелани казалось логичным и необходимым, теперь выглядело гротескным и абсурдным, будто они взаправь заперли свою Рапунцель в бетонной башне, не позволяя видеть света дневного. Он был готов уже плюнуть на договоренность с супругой о том, что никаких поездок быть не может, прокрутив в памяти последний грандиозный скандал, но тут и Дениэл сдал назад, приняв ситуацию, как она есть.

– Она хотела шуруповерт, – выдал он все еще скованно и напряженно. – Не знаю, зачем он ей, но Алекса прочитала в интернете про него и теперь загорелась, потому что ей часто не хватает сил на откручивание. По мне так баловство, но все же...

– Боже, шуруповерт девочке на день рождения! – Выдохнул Оливер и прикрыл глаза рукой. – Спасибо тебе, Дениэл, мне есть над чем подумать.

Но рабочий график на этот укороченный день не позволил ему вспомнить о дне рождения ни разу, пока в обед не позвонила жена и не сообщила, что подарок от него уже куплен, а они с именинницей ждут его дома на праздничный обед через час.

– Я оставлю его в гараже на полке, захвати, как приедешь, – отрапортовала она.

В это время Дениэл, возвращаясь в офис с очередной поездки, резко ударил по тормозам возле пересечения улиц, сам не понимая, чем вдруг вызвана экстренная остановка. Он растерянно окинул взором близлежащие здания и, не получив ответа, готов был уже поехать дальше, но тут ему на глаза попался небольшой магазин инструмента, приютившийся между кофейней и автомастерской.

– Вот оно что, – протянул водитель с усмешкой и выбрался из автомобиля, чтобы вскоре вернуться назад, но уже с небольшим увесистым чемоданчиком в руках.

Теперь не придется искать подарок на обратном пути из офиса в поместье. Радуюсь своей находчивости и расторопности, он, насвистывая, продолжил свой путь по шумным улицам Сан-Франциско. Солнце то слепило ярким летним светом, отражаясь на всех глянцевых поверхностях города, то пряталось в пушистых белоснежных облаках, радуясь передышкам в работе.

Рад им был и Дениэл. Возле здания корпорации он сообщил начальнику о возвращении и остался ждать в машине, даже не думая входить в офис, где ухмылка выдры портила всю служебную идиллию. Ему и здесь было неплохо. Он опустил стекло автомобиля и вдохнул теплый июньский воздух, ветром проносящийся мимо его носа.

Вскоре задняя дверь «БМВ» открылась и пропустила мистера Траста, замученного и запыхавшегося. Он завалился на сидение и ожесточенно расслабил галстук, словно плотные объятия удавки перекрывали ему кислород.

– Вот это денек! – Воскликнул он. – Думал, не вырвусь до вечера.

Шофер рассмеялся и принялся выкручивать руль, покидая именную парковку. Ему не терпелось сообщить о своей покупке, но начать беседу самому не хватало наглости. Однако сам мистер Траст, похоже, совсем забыл о празднике за этот бурный день.

– Что решили насчет подарка? – Отважился он, наконец, спросить, едва в зеркалах исчезло здание родной конторы.

– Мелани купила от меня набор по багетированию холстов, спасибо ей! Вот уж действительно задачка на каждый год! – Выдохнул глава семьи.

– Миссис Траст очень предусмотрительна, – проговорил Дениэл.

Он небрежным жестом поднял свою небольшую сумку с пола автомобиля и швырнул ее на соседнее кресло, прикрыв плоский пластиковый кейс.

– Не то слово! – Поддержал мистер Траст. – Спасла меня сегодня от провала.

26

Инструкция внушительного формата покоилась на полу комнаты, открытая на третьей странице. Вокруг книги, которая смело могла сойти на полке за энциклопедический словарь, были рассыпаны куски картона и дерева, обрывки холста, струбцины разных размеров и форм, тиски, три вида пил, два напильника разной фракции, мебельный пистолет со скобами, молоток с тремя видами гвоздей разного размера, и бог знает что еще, скрытое под обрывками целлофана, в который был упакован папин подарок. Похоже, родители договорились выбить из Алексы дурь посредством подарков. Что ж, неплохая идея.

Она третьи сутки ковырялась с набором для натяжения холста, уже готовая доверить это, казалось бы, нехитрое занятие профессионалам, потому что ее силы оказались на исходе, а результаты сводились к нулю. У нее не хватало рук, навыков и инструментов, чтобы зафиксировать все, что требовалось для удовлетворительного итога.

– Как дела с подарком? Освоилась? – Подлил масла в огонь отец за завтраком, на что она лишь шумно выдохнула и закатила глаза к потолку.

К выходным она сдалась официально. Хотелось плакать. Алексе оказались не по рукам первые в мире краски со всеми своими составляющими, похоже, маслом ей не рисовать. В таком понуром настроении она и спустилась к другу в привычный бетонный мир, потухшая и потерянная.

– На тебе лица нет, что случилось? – Забеспокоился Дениэл.

– Я не справилась с багетом для картин, – буркнула Алекса, задумчиво покручивая на пальце руки кольцо с черным ониксом, подаренное мамой.

– Разве этого не делают в специальных мастерских? – Удивился приятель.

– Делают, – кивнула она. – Но мне же папа подарил набор, значит, я должна справиться.

Громкий басовитый смех разбежался тысячами кусочков эхо по всему гаражу, рассыпая по ее рукам и спине мурашки. Пока водитель увлекся оригинальной шуткой, Алекса смогла ненадолго поднять взгляд на его фигуру, обтянутую синим лонгсливом и темными рабочими джинсами. Она заметила, что мышцы его рук значительно налились, едва помещаясь в рукавах. Их рельеф не скрывался тканью, вместо этого объемные мускулы теперь почти звенели сквозь тонкий материал. Это оказалось настолько волнительно для ее разума, что девочка покрылась краской смущения, но взгляд с его тела не убрала. Сильные крупные ладони, которые были едва ли не вдвое больше ее тощих ручек, сжимали увесистый молоток, казавшийся в его кулаке игрушечным. Она едва не задохнулась от осознания, что некогда эти руки обнимали ее в падении с насыпи автострады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.